Дуглас Стир

КВАКЕРСКАЯ ДУХОВНОСТЬ

Предисловие к избранным произведениям Друзей

Перевод Ольги Долгиной Редактор Татьяна Павлова Москва, «Компас», 1993

Религиозное Общество Друзей/Международный Квакерский Комитет издает также следующие книга: Т. Келли «Свидетельство преданности», Д. Стир «Введение к книге «Духовность квакеров» У. Тэйбер «Пророческая традиция или Что значит жить пророчески?» М. Мэлман «Вера и практика: Образ жизни Друзей»

Печатается по изданию Quaker Spirituality Selected Writings Edited and introduced by Douglas V. Steere Paulist Press New York. Ramsey. Toronto Copyright © 1984 by Douglas V. Steere

ОПУБЛИКОВАНО РЕЛИГИОЗНЫМ ОБЩЕСТВОМ ДРУЗЕЙ/МЕЖДУНАРОДНЫМ КВАКЕРСКИМ КОМИТЕТОМ, ФИЛАДЕЛЬФИЯ – МОСКВА

Множество людей вложили свое время, усилия и молитвы в публикацию этой книги. Члены Рабочей Группы переводов Комитета Религиозного Общества Друзей Мэри Мэлман, Ширли Додсон, Надежда Спасенко и Джанет Райли провели много месяцев в США и в России, работая над изданием этой книги и других публикаций Друзей. Мы хотим также поблагодарить Татьяну Павлову и Олега Шалимова за их помощь в редактировании и их предложения. Наши сотрудники в Москве оказали нам большую помощь и мы глубоко ценим ее. Мы благодарны Богу за оказанную нам милость и водительство, благодарны тем, кто помогал нам своими молитвами, а также многим Друзьям, оказавшим нам финансовую помощь.

Религиозное Общество Друзей/ Международный Квакерский Комитет Филадельфия, Пенсильвания, США Июль, 1992

Религиозное Общество Друзей возникло в середине XVII века в Англии, в период, когда упорная гражданская война привела к победе парламентских сил под руководством Кромвеля. Это было время бурного духовного и политического брожения, и если можно сказать, что в какой-то исторический момент духовные корни современной демократии обнаруживались с особой явственностью, то таким моментом следует избрать именно 1650 год в Англии. Возможно, это наиболее ярко проявляется на примере ожесточенных дебатов в рядах кромвелевской армии о правах «самого простого» человека в королевстве. Эти права основывались на том, что каждый человек рассматривался как возможный носитель Святого Духа, глас Бога Живого, обращенный к его времени, а излюбленным библейским текстом был тот, в котором говорится о душе как о «свечке Господа». Духовные и политические настроения той эпохи лучше всего видны на примере тех инструкций, которые Оливер Кромвель, верховный генерал Республиканской армии,

давал своим помощникам: они ни в коем случае не должны были отказывать в доступе к нему ни одному простому солдату, который желал видеть его, ибо Кромвель боялся, что Бог, быть может, будет говорить с ним через этого простого человека, и, если он не выслушает его, Господь отвергнет и его самого.

Хотя еще в 1650 году были заложены революционные по своему значению политические предпосылки такого духовного понимания человека и его свободы служить Богу в той форме, которая определялась бы его внутренней склонностью, потребовалось четыре тяжких десятилетия, прежде чем эти предпосылки стали серьезно внедряться в религиозной и политической жизни. К этому времени в Англии и в колониях насчитывалось по меньшей мере 75 000 квакеров.

Вот в такой обстановке и именно в этот бурный момент середины XVII века в Англии Джордж Фокс объединяет движение квакеров. Святой или пророк, который зачастую несет ответственность за подобное движение, никогда не бывает совершенно оторванным от своего времени, ибо он как бы послан для того, чтобы говорить с ним. Но он не сможет говорить со временем, если сам внутренне не будет тождествен ему и не найдет нужных для него слов, слов, которые откликаются на его вопросы и нужды и которые как в своих безжалостных упреках, так и в пророческих призывах исходят из некоего вселенского источника, возвышающегося над настоящим положением дел и в то же время имеющего к нему непосредственное отношение.

Джордж Фокс был именно таким человеком. Кожевник и пастух, почти без образования, этот человек из народа после долгих и бесплодных исканий в русле общепризнанной религии своего времени пережил целый ряд глубоких мистических откровений, которые изменили течение его жизни и дали ему ощущение миссии. Его собственное открытие Живого Христа внутри себя и неоднократное ощущение внутреннего умягчения души Святым Духом, опыт, который он трогательно описывал в своем «Дневнике», привели его к совершенно новым отношениям с ближними и с миром.

После нескольких лет духовных исканий, в течение которых служители Церкви один за другим отвергали его, а сектантские группы, на которые он возлагал надежды, не отвечали его духовным запросам, Джордж Фокс пережил глубокое внутреннее откровение. Мой старый друг из Филадельфии, доктор Уильям Салливан, однажды спросил: «Испытывали ли Вы когда-либо миг благоговения и восторга, который разбил бы на куски вашу жизнь и заново восстановил бы ее таким образом, что она стала отныне и до века совершенно иной?» «Дневник» Фокса описывает то, что произошло с ним, как опыт именно такого рода.

«Когда все мои надежды на них и вообще на людей исчезли, так что ничто вне меня не могло ни помочь, ни дать совета, что мне делать, тогда, о, тогда я услышал голос, который сказал: «Есть некто, сам Иисус Христос, кто может дать ответ на твои искания», когда я услышал это, сердце мое подпрыгнуло от радости. Затем Господь открыл мне, почему никто в мире не может дать ответ на мои искания, а сделать это может только Иисус Христос: тот, кто просвещает, дает благодать, и веру, и силы. Поэтому, если действует Бог, кто может этому воспрепятствовать? И это я познал на своем опыте». Эта последняя строчка очень важна для понимания духовной жизни квакеров. Фокс продолжает в своем Дневнике: «И вот я был перенесен в духе сквозь огненный меч в рай Божий. Все стало новым для меня, и все творение подо мной источало иной аромат, не такой, как прежде, невыразимый словами».

Его религиозное обращение продолжалось, и записи в его «Дневнике» за 1647 год искрятся новыми проникновениями: «Я увидел океан тьмы и смерти, но безбрежный океан света и любви затоплял океан тьмы. И в этом также я узрел бесконечную любовь Бога и познал великие откровения!» «Я был обласкан любовью Бога, так что не мог не восхищаться величием его любви». Ему открылось, что «все совершается Христом».

В первые годы своего служения Фокс провел некоторое время в тюрьме и вдохновил небольшую, но верную группу последователей. Но только в 1652 году на Севере Англии

квакерство стало распространяться и превратилось в действительно заметное движение. Утверждение о том, что Джордж Фокс «основал» движение квакеров, не совсем точно. В начале этого движения он собрал большое число одаренных «ишущих», которые имели особенно сильное влияние в менее развитых областях Англии. Эти ищущие с трудом воспринимали религиозные установления того времени, а многие уже полностью отошли от них и начали собираться вместе, часто проводя время в безмолвной молитве. Они мечтали об обновленном, подлинном, значительно упрощенном и динамичном христианском движении, которому они могли бы посвятить свою жизнь. Отдавая должное важной роли, которую сыграли эти ищущие в выдвижении из своих рядов многих руководителей раннего квакерского движения, следует, однако, помнить слова Джефри Наталла, когда он говорит о Фоксе: «Невозможно отнять у него заслугу основания квакерства и того, что он сделал это один исключительно силой своей личности и веры в свое призвание».

В своих странствиях по Англии Фокс проповедовал и описывал преображающую благодать внутреннего Христа в сердцах людей и призывал всех прислушаться в самих себе к «Христу, который Сам пришел учить свой народ», а прислушавшись и обнаружив Его в себе, повиноваться Ему. Он призывал их собираться вместе, сплоченной группой, и пребывать в молчании, открывая свои души соборной силе Духа Христова, прочувствовать эту силу внутреннего пробуждения, которое отличало раннюю христианскую общину, и пережить это не только как историческую реальность, но и как событие, которое могло произойти здесь и сейчас среди обыкновенных жителей Англии середины XVII века. Это могло дать им силы воплотить в жизнь переход к братству и любви, который проделали христиане I века.

В первые годы квакерского движения формального членства в общине не существовало. Духовная жизнь тех, кто хотел собираться вместе, заключалась во внутреннем и внешнем участии в общих молитвенных собраниях, в претворении в каждодневную жизнь того, что снисходило на них в тишине, в исполнении свидетельств и готовности вынести все преследования, которые почти сразу же обрушились на них.

Фрэнсис Хоугил, один из первых последователей Фокса, оставил нам классическое описание того, как принимали Джорджа Фокса, когда еще в самом начале зарождения этого свободного содружества радикальных христиан Фокс проходил по Северу Англии и своими пламенными речами зажигал сердца ищущих, группы которых были разбросаны в графствах Уэстморленд и Ланкашир:

«В Северной части Англии на нас смотрели как на отверженных Израиля и как на лишенных того великого знания, которым иные, казалось, обладали. Однако в отношениях между нами было больше искренности, подлинной любви и жажды живого всесильного присутствия Бога, чем среди многих в то время, кто прибегал к избытку и разнообразию форм богослужения, отставляя в сторону сам крест. Бог в своей бесконечной любви явился посреди нас, отвечая упованиям наших сердец, устремившихся к Нему. В тот момент, когда мы отвернулись от проповедей наемных пастырей, мы обнаружили Того, кого любили наши души; и Бог Своей бесконечной любовью и милосердием ниспослал нам человека Божия, одного из десяти тысяч, чтобы он вел нас путем Бога более совершенно. Это свидетельство достигло совести каждого из нас, проникло в самые сокровенные уголки наших сердец и заставило нас внимательно исследовать и тщательно изучить наше состояние при помощи Света Иисуса Христа. Господа Неба и Земли мы обнаружили совсем рядом; и в то время, как мы пребывали в ожидании, служа Ему и мыслями оторвавшись от всего вокруг, Его Божественное присутствие явилось среди нас тогда, когда ни одна живая душа не молвила ни звука, ни слова, ни речи.

Царство Небесное объединило нас и словно уловило всех в сети, и Его Небесная сила за один раз поймала в свои сети сотни. Мы познали, чего следует держаться и на что уповать, и Господь к нашему удивлению, изумлению и великому восхищению ежедневно

появлялся среди нас, так что мы часто обращались друг к другу с великой радостью в сердце: «Что это, не Царство ли Небесное снизошло к людям? И не поселился ли Он среди сыновей человеческих в своей скинии, как делал это в прежние времена?»

Именно в это время, в 1652 году, Фокс поднялся на холм Пендл Хилл в Ланкашире. Там к нему пришло откровение: он увидел великий народ, ждущий объединения. Теперь, окруженный большим числом усердных искателей, а также молодыми мужчинами и женщинами, готовыми отдать свою жизнь предельно ясному и простому христианскому содружеству, Джордж Фокс ощутил наконец пульс неудержимого духовного движения.

Во время этого же пребывания на Севере Англии в июне 1652 года Джордж Фокс впервые встретил Маргарет Фелл, супругу глубоко уважаемого судьи Томаса Фелла, в Суортмор-Холле, их обширном имении вблизи Ольверстона в Ланкашире. Она посетила несколько собраний Джорджа Фокса в соседней деревне Ольверстон и во время одной из его полных силы проповедей ее поразил заданный им вопрос: «Вы скажете, что Христос говорит тото, а Апостолы — то-то, но ты, что реально можешь сказать ты сам? Дитя ли ты Света, и ходил ли ты в Свете, и то, что ты говоришь, от Бога ли исходит?» На этой встрече она наконец нашла то, что искала двадцать лет. Ее муж, Томас Фелл, так и не присоединился к Друзьям, но он их горячо поддерживал и защищал от местных гонений, которые вскоре последовали.

Судья Фелл с готовностью разрешил своей жене Маргарет открыть этому движению двери их дома. Маргарет Фелл, которую Джефри Наталл в своем введении к «Дневнику» Джорджа Фокса называет «пылкой женщиной с львиным сердцем» (и на которой Фокс женился спустя несколько лет после смерти судьи Фелла), вскоре стала духовной матерью раннего товарищества Друзей, и Суортмор-Холл превратился в их неофициальную столицу.

Из недр этого нового товарищества среди тысяч совершенно обычных сельских жителей появился ряд людей, которые почувствовали внутренний призыв, «озабоченность» оставить свои фермы и лавки, чтобы пуститься в более долгие или короткие странствия. Путешествуя парами, они чувствовали призвание поделиться этими новыми откровениями внутреннего возрождения, посетившими их. Сегодня мы называем эту первую группу эмиссаров «Доблестные Шестьдесят». Они прошли через всю Британию, включая Шотландию, Уэльс, Ирландию, и дошли до Константинополя, Рима, Мальты и азиатского побережья. Вслед за ними другие отправились на континент, главным образом в Голландию, Пфальц и в северо-западную часть Германии, а также на Барбадос и Ямайку в Карибском море и даже в необжитые места американского континента, которые в то время открывались для колонистов.

Маргарет Фелл создала богатый фонд Кендала, с тем чтобы, в случае необходимости, оказывать помощь в этих путешествиях и поддерживать семьи Друзей, заключенных в тюрьмы во времена первых преследований, которые уже в республиканский период начали усиливаться.

Безусловно, имеется много свидетельств, что вначале Фокс полагал, что движение станет не более чем мощным стимулом, обнажающим и упрощающим, и в то же время оживляющим и углубляющим христианскую духовную жизнь Англии. Он открыл в себе Семя Божие, живого Христа и огонь Святого Духа, и это пришло к нему не через служение или благоговейное чтение Библии (которую он практически знал наизусть), не через проповеди, пение или чтение вслух молитв в прекрасных каменных храмах. По всей видимости, вначале он предполагал обратить к Христу сердца своих собратьев и вовсе не имел в виду склонять их к основанию какой-либо новой секты.

Айзек Пенингтон, примкнувший к движению квакеров в конце республиканского периода, со всей ясностью свидетельствует, что он вовсе не имел в виду оставить христианскую жизнь, когда присоединился к квакерам; напротив, он стремился сделать ее более насыщенной, приобрести скорее личный опыт, нежели простое знание о преображающей силе внутреннего Христа. Пенингтон пишет: «Мы, которых многие укоризненно

называют квакерами, «трепещущими», являемся в своем большинстве людьми, долго и упорно искавшими Бога и опытного подтверждения тех истин, о которых свидетельствует и повествует Священное Писание. Мы искали не нового Христа и не нового Духа, не новых доктрин о Христе и Его Духе, но хотели познать Христа с тем, чтобы получить от Него жизнь и этой жизнью и Духом, полученным от Него, наполнить свое существование. Это было нашей единственной целью и упованием наших сердец».

«Хотя Господь затронул в людях чистое Семя Жизни и оживил этим и мою душу, я не знал, как обратиться к этому Семени и пребывать в Нем и как согласовать с Ним мои знания и жизнь; но я стремился жить и познавать как умозрительно, так и опытно то, что было на поверхности, однако там враг еще одолевал меня и часто лишал меня преимущества правильно пользоваться тем, что Господь сотворил во мне и свободно даровал мне».

«Истинно говорю вам, Друзья, что я не растерял ничего из того, что имел или узнал о Боге в дни моих прежних занятий, веруя в Свет, который Бог теперь открыл во мне. Все это и теперь со мной даже в большей ясности и очевидности и в более полном проявлении, чем тогда; но то, что примешивается к этому от плоти и препятствует верно служить Господу и быть в согласии с самим собой, теперь Господь отделяет своим проникновенным Светом и явлением своего Духа и Силы».

В эпоху, когда заново открывалась бесконечная ценность «простого человека», Джордж Фокс и его последователи призывали людей всех сословий, мужчин и женщин, к свободе нового содружества. Там, вне авторитета какой-либо непогрешимой Церкви или непогрешимой Библии, без вездесущего авторитета наемного духовенства, члены этого содружества могли собираться вместе в молчании и повиновении с тем, чтобы помочь друг другу обрести внутреннего Христа и научиться «узнавать в ближнем то, что носит отпечаток вечности».

Во времена Фокса в церквах Англии простым прихожанам официально разрешалось делать краткие сообщения или задавать вопросы духовенству по окончании службы. Молодой Фокс, облаченный в свои кожаные брюки, путешествуя из города в город, как записано в его «Дневнике», часто чувствовал внутреннее побуждение смело отвечать на враждебность клириков в том, что он называл «дом с колокольней». Он обрушивался на духовенство, и последствия зачастую были плачевны как для авторитета самого духовенства, так и для телесного здоровья Фокса. Почти всегда после этих словесных столкновений разъяренные церковные старосты при помощи многих прихожан едва не раздирали Фокса на части, выгоняя его из церкви, часто избивали его, помещали в колодки или выставляли за городскую черту, угрожая убить его, если он вернется.

Книга Деяний в Новом Завете неоднократно описывает случаи, когда первых апостолов, горевших страстным желанием поделиться своим опытом непосредственного присутствия Христа в Духе Святом, хватали, били, заключали в темницу религиозные и светские власти, которые чувствовали угрозу со стороны их возрастающего влияния и силы. Фокс и его Доблестные Шестьдесят со своим пылким рвением поделиться внутренними откровениями возбуждали аналогичную реакцию. Ни ветхозаветных пророков, ни новозаветных апостолов ни в Коей мере не останавливало подобное к ним отношение, и Фокс в этом смысле не был исключением. Несмотря на все его «плохие манеры» и враждебность к нему со стороны официальной Церкви в ответ на его посещения, глубокая искренность Фокса и его сотоварищей живо затрагивала многих прихожан и пополняла ряды движения первых квакеров.

Эти гонения, которые привели вначале сотни, а затем и тысячи квакеров на длительные сроки в зловонные тюрьмы того времени и которым часто сопутствовали церковные суды с последующей конфискацией государством земли, домашнего скота, домов и даже личного имущества,— все это заставило Друзей создать определенную структуру для поддержания своих страдающих собратьев. Таким образом, то, что началось как движение христианского возрождения и предназначалось для широкого распространения, было

вынуждено в течение десятилетия оформиться в отдельную группу. Собрание в помощь страждущим, которое до сих пор каждый месяц заседает в Лондоне и где рассматриваются вопросы оказания срочной медицинской и социальной помощи страждущим во всем мире, возникло именно в то время с целью попечения о страждущих внутри самого Общества Друзей.

С самого начала движение квакеров состояло из мирян и не принимало в свои ряды профессионально подготовленных клириков, получающих за свое служение деньги. Последних квакеры определяли как «наемное духовенство». Мужчины и женщины имели все права и привилегии общины в равной степени. Форма квакерского богослужения была настолько простой, что оно могло проводиться где угодно: в частных домах, на кухне, в амбаре или, позднее, в неприхотливых зданиях, которые лучше всего дают представление о квакерских домах собраний. Все пребывали вместе, ожидая, пока Бог не объединит их внутренне; все несли ответственность за то, чтобы собрание стало сосудом Святого Духа. Из этого совместного молчания часто рождалась произнесенная вслух молитва, когда то один, то другой ощущал необходимость высказать то, что пришло к нему в совместном молчании в виде какой-либо мысли или заботы.

В этом выражалась религиозная демократия, реализованная в группе людей, где Дух мог выбрать своим носителем любого, чтобы вещать словами истины братьям и сестрам. Вести от Бога предназначались не только тем, кто «учился в Оксфорде или Кембридже». Это послужило основой для возникновения того, что впоследствии повсюду будет считаться самым демократичным способом христианского богослужения, когда-либо существовавшим в истории христианства для упорядочения духовной жизни группы молящихся. Не раз отмечалось, что квакеры, будучи по своему характеру яростными «мирянами», в некотором смысле «упразднили мирянство». Поскольку все члены общины являлись потенциальными служителями Бога, квакеры стали самыми радикальными сторонниками «священства всех верующих».

Замечательным квакером и ученым была шведка Эмилия Фогельклу Норлинд, умершая в 1974 г. Она подтвердила в своих трудах то, что было сказано выше о квакерском совместном служении, при котором всем предоставлялась возможность, если они чувствовали внутреннее побуждение, принять участие в произносимой вслух проповеди,— как о подлинном общем духовном преображении. Она с одобрением относилась к становлению и развитию ранних пуританских групп в Британии — пресвитериан, независимых конгрегационалистов, баптистов, которые пытались дефеодализировать христианскую церковь и сделать профессиональное духовенство более ответственным перед своими прихожанами. Но она находила все же, что внутри этих групп профессиональные клирики крепко держатся за церковный ящик и незаметно, так или иначе пытаются восстановить свою власть, от которой они номинально отказались.

В обычае квакеров — позволять «самому простому человеку» произносить проповедь вслух в том случае, когда через него вещает Дух Святой — она увидела наконец подлинное доверие, духовное признание, кульминацию всех предыдущих усилий разрушить феодальную структуру власти клириков. Она рассматривала деловое собрание квакеров как дальнейший шаг в развитии движения в силу того, что это собрание считало возможным доверить группе обыкновенных людей принять решение «правильного порядка», что достигалось благодаря их терпеливой открытости Свету. Не менее важным было и то, что каждый человек, независимо от пола, мог поделиться своим проникновением в суть вопроса, а секретарь, назначенный общиной, чутко улавливал и записывал «суть собрания».

Молитвенные собрания в результате стали лабораториями Святого Духа, где Иисус Христос исполнял свое обетование о том, что «где двое или трое соберутся во имя Мое, там и Я посреди них». Общинный характер этого опыта служения Богу придал ему новое измерение, которого никогда не могла бы обеспечить единоличная молитва, хотя она тоже поощрялась и широко практиковалась ранними Друзьями. Ведь совместная молитва не

только влекла их к присутствию Бога, но и соединяла друг с другом в том, что есть вечное. Томас Стори рассказывает, каким образом это общее ожидание впервые тронуло его:

«Мне хотелось узнать, на самом ли деле они являются теми, кто испытывает присутствие Бога на своих собраниях... и Господь ответил на мое желание. Я был тронут и умилен вместе с ними... Когда собрание закончилось, мир, исходящий от Бога, святым покровом окутал мое сознание».

Роберт Баркли писал:

«Когда я ходил на безмолвные собрания Божьих людей, я чувствовал среди них таинственную силу, которая трогала мое сердце; когда же я открывался ей, я обнаруживал, что зло во мне ослабевает, а добро возрастает».

И он говорит об этом опыте как о «цементе, который скрепляет нас с Богом и друг с другом».

Безмолвие этих собраний и опыт объединения и преображения, который на них ощущался, казалось, вели Друзей к тому, к чему страстно призывает англиканин Томас Трэерн в конце XVII века в своей книге «Столетия медитации», где он пишет:

«Содружество таинства, которое было скрыто в Боге с момента творения, есть не только созерцание Его Любви в работе искупления, - что, конечно, прекрасно, — но и цель, ради которой мы получаем искупление, то есть приобщение к Нему».

Здесь Трэерн предполагает, что искупление дается, чтобы привлечь приобщиться к Богу, и что именно этого аспекта приобщения к Богу люди никогда не достигают. Друзья нашли это приобщение, и они познали его опытным путем. Именно в эти вневременные моменты приобщения «на безмолвных собраниях народа Божия» и проявляется с особой очевидностью мистическая сторона квакерской духовной жизни.

Хорошо известно, что каждая из великих мировых религий, если изучить ее до сути, обнаруживает мистическое измерение. Часто этой мистической стороне придается исключительно важное значение в определенных группах и движениях, возникших в рамках данной религии. Веданта в индуизме, дзен в буддизме, суфизм в исламе, каббала или хасидизм в иудаизме — вот наиболее яркие примеры. В квакерстве это мистическое измерение в рамках христианства раскрывается и приобретает общинный характер. С самого начала оно сосредоточилось на мистическом свидетельстве об активном присутствии «Запредельного внутри нас». Для квакеров это Запредельное есть Христос, Семя, Дух, Свет, то, что может дать ответ на искания человека, который обращается к этому Запредельному. При таком обращении оно находит большую поддержку в общем молчании молитвенных собраний, но ощущение Присутствия может прийти в любом месте и в любое время.

Мистический акцент квакерства не приуменьшает его христианского происхождения, хотя разрушает барьеры и содержит сильный элемент экуменизма. Сразу же после окончания Первой мировой войны квакеры работали в Польше, распределяя еду и одежду. Одна работница, обслуживавшая группу деревень, заболела тифом и в 24 часа скончалась. В этой деревне было только одно римско-католическое кладбище, и канонически похоронить человека другой конфессии на этой священной земле было совершенно невозможно. Квакеры положили свою любимую подругу в могилу, вырытую прямо за оградой католического кладбища, а на следующее утро обнаружили, что ночью жители деревни передвинули ограду таким образом, что могила оказалась внутри нее. Подобное расширение любых границ так, чтобы они могли охватить, а не стереть уникальные и глубоко своеобразные свидетельства различных религиозных групп, вплотную подходит к раскрытию глубинного смысла квакерского экуменизма. Несколько лет назад, когда я участвовал в Хэмпстедском молитвенном собрании в Лондоне, один квакер поднялся и процитировал строчку из Иоанна о Кресте: «Отец произнес слово, и слово это был Его Сын, и он постоянно произносит его в молчании, и в молчании должна душа слушать его». Это было все, что он сказал. Я мгновенно осознал, что стены рухнули и что была

произнесена непостижимая истина, переступающая границы любых исповеданий, слова, которые проникают в самое сердце христианского опыта. Аналогичное переживание я испытал в Токио, когда Уильям Джонстон привел нас в резиденцию иезуитов недалеко от Токийского Университета и показал комнату для медитаций, которая была всегда открыта для студентов и посетителей. Как это принято у японцев, на той стене, лицом к которой находились гости во время медитации, не было ничего, кроме свитка пергамента. На нем японскими иероглифами была написана строка из Осии (2:14), в которой повторялась та же самая мысль: «Посему вот, и я увлеку тебя в пустыню и буду говорить к сердцу твоему». И снова стены рухнули.

Свидетельство квакеров в этом мистическом сообществе состоит в том, что живое обетование преображения по-прежнему доступно, действует здесь и теперь и что по мере того, как мы внимаем ему и подчиняемся его водительству, мы узнаем, что означает быть им «настигнутым» и «умиленным».

Хотя в квакерстве это никогда не было отчетливо сформулировано в каком-либо известном мне основном положении, многие Друзья сами ощущают себя частью того, что не имеет границ, то есть является третьей силой, которая не принадлежит ни католической, ни протестантской Церкви, а является частью общехристианского мистического потока, взрастившего их всех и непрестанно их обновляющего.

Некоторые ученые-квакеры противились такой интерпретации мистического опыта квакеров, настаивая на том, что квакерство имеет в основном пророческий характер. Меня всегда интересовало то, что профессор Фридрих Хейлер в своей знаменитой книге «Молитва», которая была широко известна и популярна среди старшего поколения, провел четкое разграничение между пророческим и мистическим началами и, подобно упомянутым квакерским ученым, сильно склонялся к пророческой стороне квакерства. В конце своей жизни он признался, что не может более настаивать на этом различии и что как мистическая, так и пророческая стороны являются, в своих лучших проявлениях, составными частями общего опыта и свидетельства. Безусловно, Джордж Фокс был пророком, и это с особой ясностью проявляется в его свидетельстве, воспламеняющей силе и готовности извлечь социальные выводы из своего опыта — в его высказываниях, направленных против войны и ратующих за права «самого простого человека». Но источник его водительства и вдохновляющей силы его жизни, по-видимому, основан непосредственно на приобщении к внутреннему Присутствию. Его мистицизм был этическим, и в те моменты, когда Общество Друзей живет по-настоящему полнокровной жизнью, в ней имеют место оба этих основных фактора.

Новые выражения, которые появляются в ранних дневниках и записях Друзей, весьма способствуют выявлению подлинности этого внутреннего опыта сопричастности и всего, что ему сопутствовало. «Покоиться в Свете»; «погружен в истину»; «сосредоточение»; «откликнулся на мое состояние»; быть «затронутым» или «умиленным»; быть «возвращенным к корню»; «остановиться в мыслях»; избегать «суетливости»; «забегать вперед Водителя»; «бежать, не будучи посланным»; комитет «ясности»; «веский» Друг — все эти слова и сочетания обладают привлекательной, незамысловатой свежестью и меткостью для выражения духовного опыта Друзей и для действенного разрешения практических проблем.

Сила Духа, смягчающая сердце каждого члена общины на собраниях и в их тесных взаимоотношениях друг с другом, стала внутренним крещением всей жизни Друзей и непрестанно побуждала каждого меняться в нужном направлении. Сознание того, что Христос с ними в их страданиях, придавало силы смело встречать неоднократные приговоры тюремного заключения и конфискации имущества, что почти неизбежно становилось судьбой тех, кто присоединялся к движению квакеров. В первые годы существования движения сам Джордж Фокс был арестован восемь раз и провел в различных английских тюрьмах в общей сложности около шести лет. В то время более трехсот Друзей погибло в заключении. Сам лично претерпев гонения, Джордж Фокс,

бывший пастух, желая помочь Друзьям выносить испытания, обращался к ним в своем 195-м Послании: «Не бойтесь потерять руно, оно отрастет снова».

Священное ощущение святости любых взаимоотношений в жизни также тесно связано с этим опытом внутреннего приобщения. Непризнание квакерами необходимости внешних таинств крещения водой и Евхаристии не может быть понято, если не принять во внимание этот внутренний опыт приобщения в духе. Внутреннее крещение и опыт участия в вечно совершающейся жизни и в духе внутреннего Христа, на что указывала внешняя, символическая практика крещения и Евхаристии, являются самым центром квакерского опыта.

У ранних Друзей тот же опыт Духа, смягчающего человеческую душу, свидетельства о котором постоянно звучали в словах, произносимых на молитвенных собраниях, главным образом преследовали цель избежать зависимости от теологического многословия. большую часть которого Фокс называл «мнениями». Фокс поставил перед собой задачу отделить эти словесные мнения от подлинного переживания водительства Духом. Такие нападки на «мнения» явно связаны с тем, что квакеры отказываются сформулировать и записать свое христианское свидетельство в виде формального символа веры, которое обязаны будут принять те, кто к ним присоединится. Друзья того времени жили в обстановке, когда протестантские споры о религиозных доктринах и убеждениях были излюбленным домашним и уличным времяпрепровождением. Из неприязни к «мнениям» стремились использовать В своих высказываниях глаголы существительных. Когда к ним присоединялись новые члены, важно было узнать, почувствовали ли они нежное и смягчающее душу прикосновение внутреннего Христа, который мог «откликнуться на их состояние», и, почувствовав это прикосновение, испытали ли они желание отдаться ему.

Одним из принципов Альберта Швейцера было никогда не отвечать на письменные нападки на его жизнь или деятельность, независимо от степени их оскорбительности. Квакеры XVII века не достигли такого этического совершенства, и сегодня довольно скучно читать те сотни гневных трактатов, которыми они обменивались со своими противниками. За исключением Айзека Пеннингтона, Уильяма Пенна, Томаса Иллвуда и Роберта Баркли, ряды квакеров-интеллектуалов XVII века, достаточно образованных, чтобы вести такую полемику, и считавших необходимым это делать, были очень немногочисленными. Интерес квакеров к богословию как таковому всегда был невелик, и причиной этому было то, что Фокс обличал богословие как изобретение тех, кто привержен «мнениям».

Общепризнано, что развитый не по годам Роберт Баркли уже в 26 лет сформулировал в своей «Апологии» те положения, которые в наибольшей степени приближаются к строго богословскому изложению квакерами своих позиций. Многие Друзья находят, что в «Апологии» можно обнаружить слишком явные следы строгой богословской школы, которую Роберт Баркли приобрел в юности, учась в семинарии во Франции. Интересно отметить, что в превосходном сборнике «Христианская вера и практика», который является руководящей книгой Ежегодного Лондонского Собрания, большое место уделено не богословскому изложению символа веры, а тщательно подобранной антологии квакерских рассказов об их собственном духовном опыте. За этим стоит убеждение, что такой принцип подбора — наиболее эффективный способ повествования об образе жизни квакеров.

В прошлом столетии исследователи квакерства единодушно отмечали, с какой поразительной свободой первые Друзья употребляли такие почти взаимозаменяемые понятия, как внутренний Христос, Семя, Корень, Принцип, Свет Христа, Дух. При этом первые Друзья, сосредоточиваясь на опытном познании внутреннего Христа, не преуменьшали и своей любви к Иисусу из Галилеи. Более того, они не видели никакого противоречия в соединении этих двух способов поклонения вечному Христу, Логосу, по образу которого все сотворено.

В своей знаменитой книге «Энтузиазм» католический ученый Рональд Нокс с присущим ему мастерством ставит несколько острейших вопросов, указывающих на неотъемлемую слабость целого ряда христианских движений, включая квакерство, внимание которых сосредоточено на «личном опыте». Само заглавие книги напоминает о словах английского епископа Батлера, сказанных Джону Уэсли: «Энтузиазм, сэр, это страшная вещь, очень страшная вещь». Считая, что порядок выше свободы, Рональд Нокс настаивает на том, что если этот личный опыт приходит не в контексте традиционной христианской структуры или сразу же не сталкивается с ней и не вплетается в нее, то он скорее всего выливается в излишество, в тривиальность, и в конце концов,— в разочарование.

Вопросы, которые он ставит, проникают в самую суть проблемы, и в первые свои годы Общество Друзей предоставляет в некотором смысле благодатную почву, дающую свидетельства как для подтверждения его самых мрачных предсказаний, так и для их опровержения, причем делается это почти на одном дыхании. Так, история квакерства содержит эпизод с Джеймсом Нейлором, когда он, подобно Христу, въехал в Бристоль верхом на какой-то скотине, был арестован и сурово наказан властями за богохульство. Следы подобного излишества видны и в течении «Рантеров», которое возводило субъективность в ранг нормы и относилось с антиномианским презрением ко всякой критике собственной аморальности. Фокса соблазняли и люди Пятой Монархии, приглашая его присоединиться к их тысячелетней миссии. Квакерство подвергалось также непрекращающимся преследованиям и нападкам стороны разъединяющих мир, от натиска которых может увянуть свежесть любого религиозного движения, после того как угаснет первое сияние нового опыта. Чем же особенным обладало Общество Друзей, что позволило ему устоять перед угрозами, которые так блестяще описывает Рональд Нокс? Его книга лишь подводит к этому вопросу, но не поднимает его и не дает на него ответа.

Хотя проблемы выживания и обновления квакерства были и остаются грандиозными, известно, что случай с Нейлором рассматривался Фоксом и руководителями общины как излишество, которое может найти понимание, но не вызывает одобрения. «Рантеры» были отвергнуты; им не позволили серьезно посягать на здоровое ядро Общества; и приглашение милленариев — людей Пятой Монархии — тоже было отклонено Фоксом, который сказал им, что «Христос уже пришел и пребывает в сердцах своего народа». Тяготы периода Реставрации в Англии XVII века со всеми его яростными гонениями столкнулись с духом, запечатленным в книге Уильяма Пенна «Без креста нет венца», и с массовым отказом квакеров поступиться своим правом совершать молитву так, как, по их мнению, они были призваны это делать. Эти тяготы встретили нежелание квакеров умерить свои свидетельства, а также их упорное сопротивление требованию оставить либо мир, либо свое призвание. Относительно квакеров что-то ускользнуло из анализа Нокса и не подтвердило его прогнозов. Секрет выживаемости квакеров, если только он существует, может быть полностью раскрыт лишь при более пристальном рассмотрении различных сторон их практики.

Важно отметить, что движение квакеров как третьей силы* никогда не стремилось заменить непогрешимый авторитет Церкви непогрешимым авторитетом Библии, как это было сделано в классическом протестантизме. Тем не менее Библия играла и всегда должна играть значительную роль, способствующую сохранению квакеров в рамках христианства и воздействию на их внутренний опыт его испытующей силы и свидетельства. В 197-м Послании (1660 г.) Фокс писал: «И познавайте друг в друге силу и жизнь Бога, то, что произвело на свет Писание, и то, что было до Писания». И еще: «Служите все Господу, чтобы вам утвердиться и пребывать в Нем и возрастать в Свете, который вдохновил Писание, и чтобы не усомниться в словах, которые идут от Света. Ибо никто из сотворенных не может с пользой читать Писание, если он не пришел к Свету и

-

^{*} Относительно католиков и протестантов (прим. перев.).

Духу, от которого Писание исходит» (Посл. 65, 1654).

Здесь Фокс подчеркивает то, чему Друзья придавали особое значение. Регулярное чтение Библии, индивидуально или в кругу семьи, было общепринятым у ранних квакеров, и многие пытаются возродить эту традицию в наше время. Они хорошо понимали, что имел в виду тот африканец, который свидетельствовал: «Не я читаю Библию, это она читает меня!» И хотя на общих собраниях квакеров не принято читать Библию, откровения, которые обретали словесную форму, почти всегда вызывались и сосредоточивались на особо волнующих библейских отрывках, которые цитировались по памяти. Фокс очень хорошо знал Новый Завет, и тексты о Логосе из Евангелия от Иоанна, где говорится, что Христос просвещает каждого человека, приходящего в мир, определяют и утверждают саму цель квакерской миссии распознать Бога в каждом человеке или, пользуясь квакерским выражением, «откликнуться на то, что от Бога в каждом».

В кругу ранних Друзей Библия, вероятно, ощущалась как реальность, поскольку они ежедневно пребывали на том уровне товарищества, который столь правдиво описан в Библии. Во времена первых гонений Друзья заботились о семьях друг друга и буквально носили друг друга на руках. Они часто предлагали поменяться местами с Друзьями, которые находились в тюрьме. Гостеприимство, которое они оказывали друг другу, а также бережное отношение, которое они проявляли к ближнему и его внутреннему росту, не знали границ. Ранние квакеры не предпринимали попыток совместной жизни, но они обладали глубоким чувством заботы друг о друге, которую Чарлз Уильямс называет «соприсущностью». Это участие к попавшим в беду, стремление разделить ее, внимание к нуждам ближних в постоянно расширяющемся кругу Друзей с самого начала были частью квакерской духовной жизни и остаются формой духовного попечения и сегодня.

Другой стороной этого попечения явился своеобразный квакерский общественный аналог того, что наши друзья католики называют исследованием сознания и что квакеры метко обозначили словом «вопросы». Эти вопросы были различными в разные исторические периоды и часто пересматривались. Изучая их варианты на протяжении трех столетий, можно было бы с успехом написать курс социальной истории Друзей. На собраниях было принято зачитывать «Вопросы» и призывать участников к исследованию своего сознания в отношении таких вещей, как клятвы, запрещенные в Новом Завете; свидетельства против уплаты десятины; участие в насильственных действиях, например в войне; вопросы торговли в XVII веке, связанные с установлением цен на товары; обращение с американскими индейцами И содержание рабов; негуманное обращение душевнобольными; отношение Друзей К системе наказаний обращение представителями других рас.

С самого начала эти «Вопросы» были обращены также к внутренней жизни Друзей и касались порядка проведения их собраний, простоты и скромности жизни, изыскания времени для духовного чтения и для личного служения Богу, что способствовало их внутренней открытости, необходимой во время совместного служения. Они вопрошали себя, насколько свободна их жизнь от излишней привязанности к приобретениям и есть ли в ней время для забот о ближних и для того, чтобы открывать себя Свету; воспитывают ли они такую открытость в детях и дают ли им возможность получить образование, способное усилить это качество жизни.

Эти «Вопросы» лишь помогали ставить проблемы, которые неосознанно затрагивались еще в тесном кругу первых квакерских общин, собиравшихся на молитву не только в Первый день (воскресенье), но и среди недели. Фермеры были готовы идти на собрания и служить Господу вместе со своими собратьями, даже если из-за этого приходилось оставлять сено на полях. Наряду с этим проводились ежемесячные, ежеквартальные и ежегодные собрания, состоящие из молитвы и расширенного устного служения. На этих собраниях обсуждалась деловая жизнь общины, совместно осуществлялись внутренние искания и совершались духовные открытия. Непрерывное проведение такого внутреннего исследования безусловно способствовало углублению и расширению личного опыта

Друзей.

С самого начала это сообщество мирян держалось вместе, его духовные чаяния возрастали, а его опыт расширялся и подвергался осмыслению под влиянием целого потока странствующих квакеров, которые путешествовали «по зову заботы». Эти мужчины и женщины странствовали только в том случае, если испытывали определенную «озабоченность» и имели одобрение своих собраний в виде протокола, в котором содержалась рекомендация направляемых общиной Друзей тем, кого они намеревались посетить, и который свидетельствовал об их духовной пользе для своих собраний. Друзья оплачивали свое путешествие сами, если они были в состоянии это сделать. Если же они не имели достаточных средств для путешествия или для поддержания семьи на время своего отсутствия, то собрание, которое выразило одобрение их путешествию, брало эти расходы на себя.

Квакерский брак с самого начала предполагал возможность возникновения такой «заботы» и включал свободу отклика на ее потребности. Пример трогательных отношений между супругами-квакерами, следовавшими своему призванию,— отношения между Гилельмой и Уильямом Пеннами летом 1682 года, когда Пенн почувствовал зов покинуть Англию и отправиться в Пенсильванию, чтобы осуществить там свой «Святой эксперимент». Его любимая супруга Гилельма чувствовала себя не совсем здоровой и ждала в то время ребенка, поэтому ей лучше было оставаться в Англии. Но она чувствовала, что ее супруг должен последовать своему предназначению. Ее слова, обращенные к нему, с трогательной простотой выражают двойное обязательство перед зовом Бога и друг перед другом: «Мой милый, не препятствуй никакому благу ради меня. Я хочу, чтобы ты поехал. Я возлагаю на Господа заботу о себе. Я еще увижу тебя». Готовность к таким поступкам придавала квакерскому браку особую тональность, повлиявшую как на его характер, так и на семейную жизнь в целом. Она также свидетельствовала о неограниченных возможностях духовной жизни мирян, не связанных обетом безбрачия.

Странствия квакеров, охваченных «заботой», часто вели их за океан, но даже путешествия у себя дома в XVII и XVIII столетиях были сопряжены с риском для жизни. Уильям Эдмундсон описывает путешествие двух английских женщин-квакеров в Ирландии в XVII веке: «Всегда пешком, в зимнее время, переходя вброд реки и грязные топкие дороги, Энн Гоулд, будучи хрупкой женщиной, достигла сильного истощения и осталась в Клу». Джон Вулмэн и Джоб Скотт были далеко не единственными, умершими на чужбине во время своих духовных странствий. Ранние дневники квакеров довольно часто содержат описание примеров святого послушания, и это подтверждает тот факт, что оно не является исключительной прерогативой целибатного монашества. Святое послушание может со всей силой проявляться в единой христианской семье, живущей в открытости водительству Святого Духа. В своих духовных странствиях Друзья никогда не спешили и жили в очередной квакерской общине столько, сколько было необходимо, чтобы пообщаться с каждой квакерской семьей и иметь возможность побыть с каждым членом семьи, чтобы войти в их духовное состояние и посоветоваться со всеми, от мала до велика, о том, что может быть еще от них угодно Богу.

Между теми, кто искал духовных советов, и теми, кто был способен их дать, существовала непрерывная духовная переписка. Особенно примечательны в этом отношении «Послания» Айзека Пеннигтона и Джорджа Фокса, хотя это всего лишь два примера из множества подобных посланий. У Друзей с самых первых дней их существования было принято записывать свои духовные откровения в дневники, и эти дневники широко читались в квакерских семьях и служили стимулом для духовной жизни. В них часто подробно описываются лишения, сопутствовавшие духовным откровениям, как, например, в дневниках Джона Вулмэна и Джоба Скотта. Такие описания не могли не побуждать читателей к исследованию своих сердец, чтобы узнать, чего от них ждет и требует Бог.

На семейных молитвах к тому же постоянно читались отрывки из Писания или квакерских дневников, за чем следовало неторопливое, безмолвное ожидание, а иногда — произнесенная вслух молитва. В личных целях квакеры пользовались произведениями духовной литературы разного рода, связанными с различными традициями, и этим они продемонстрировали свою широкую открытость экуменизму. «Письма» Фенелона, сочинения мадам Гюйон, книги Августина Бейкера «Святая Премудрость», о которой тепло отозвался и которую ценил Роберт Баркли, и «О Подражании Христу», а также многочисленные переводы Якоба Бёме, имевшие хождение в Англии в конце XVII — начале XVIII века,— все эти произведения были известны Друзьям того времени.

Очевидно, что семейная молитва и атмосфера квакерских школ не могли не оказывать своего влияния на детей. Отличающаяся близостью человеческих взаимоотношений общинная жизнь собраний, на которые приводили детей, и продолжительные периоды молчания, в которые они погружались, могут шокировать современных религиозных воспитателей. По словам профессора Уайтхеда, тот факт, что религия уцелела после целого столетия интенсивного религиозного воспитания, свидетельствует о ее постоянном упорстве. Записи показывают, что основным методом воспитания детей было влияние явного чувства озабоченности их родителей. Поразительно, как много квакерских детей с самого раннего возраста охотно включались в безмолвие молитвенных собраний и откликались на призыв Бога, а также то, как часто молодые люди начинали жить активной внутренней жизнью. Одним из болезненных порогов, который молодые Друзья должны были преодолеть, была трудность произнести вслух перед собранием то, что пришло к ним в тишине. Было нелегко встать на собрании и при всех сказать несколько слов. Неловкость и нерешительность при совершении этого шага, и все же их преодоление и сопутствующее этому чувство освобождения часто описываются в дневниках квакеров. Имеются записи, свидетельствующие о готовности Друзей старшего поколения поддержать признаки внутреннего совершенствования, которые они замечали в своих молодых собратьях. И эта поддержка, безусловно, являлась решающим фактором квакерского воспитания. Личный пример имел самое большое значение. Готовность старших жертвовать своей собственностью, своей личной свободой, а также готовность действовать в соответствии с требованием «заботы» и во имя верности внутреннему призыву были, без сомнения, главной силой, заразительной для детей, вызывающей у них ожидание водительства Святым Духом и понимание необходимости следовать Ему. Все это является принципиально важным в духовной жизни квакеров.

Квакерам приходилось не раз сталкиваться с тем, что молодежь откликается тогда, когда в ней действительно нуждаются, и активно включается в исполнение того, чего требует «забота». Дети квакеров первого поколения участвовали в молитвенных собраниях вместе с родителями, а затем продолжали собираться без них, когда их родителей хватали и заключали в темницу. Американские квакеры 50—70-х годов нашего века избирали своих руководителей в основном из мужчин, которые провели долгие годы испытаний Второй мировой войны в лагерях квакеров, основанных сознательными противниками войны, или из мужчин и женщин, которые в послевоенные годы участвовали в оказании помощи там, где имелась большая человеческая нужда, а также работали в многочисленных трудовых лагерях, основанных квакерами, в различных частях мира.

Часто отмечается, что совместные молитвенные собрания, основанные на тишине и послушании, занимают центральное место в духовной жизни квакеров, но о самой природе этой практики говорится немного. Александр Паркер, близкий соратник Джорджа Фокса, оставил классическое руководство, которое одновременно является наиболее точным описанием приобщения к такому богослужению.

«Первый входящий в комнату для собраний, не будь небрежным, оставь легкомыслие, телесную и духовную суету, невинно сядь на место, обратись своими мыслями к Свету и ожидай Бога в простоте сердца, как если бы никого, кроме Господа не было рядом, и в этом твоя сила. Пусть и вновь пришедшие сядут рядом в чистоте сердца и обратятся к

тому же самому Свету и ожидают под покровом Духа, и так все пребудут в страхе Господнем, и сядут в полной тишине и молчании всей плоти, и ждут в Свете. Несколько человек, собранные рукой Господней в единстве Духа,— это радостное и драгоценное собрание, в котором все встречаются с Господом... Собравшиеся ради чистого, тихого служения Богу оказываются ближе к Богу, чем могут приблизить слова, хотя ни одно слово не нарушает тишину. В таком собрании, где ощущается присутствие и сила Бога, возникает желание быть со всеми вместе и готовность сказать себе: хорошо быть здесь, и здесь конец всех проповедей и писаний, цель которых привести людей к вечно живому слову».

Двоих просят возглавить собрание с тем, чтобы они взяли на себя ответственность за его окончание. Ранняя архитектура молитвенных домов предполагала два или три ряда скамей, обращенных к собранию, и в старинном молитвенном доме, который посещаю я, на этих скамьях и сидят те, кто закрывает собрание. Более современные квакерские собрания в основном не имеют обращенных друг к другу скамей, а собравшиеся часто сидят здесь по периметру комнаты, оставляя середину пустой. Молитвенные собрания традиционно длятся около часа, хотя продолжительность собрания может слегка меняться. Оно закрывается, когда назначенные люди, почувствовав, что собрание окончено, обмениваются рукопожатием, и остальные пожимают руки тем, кто сидит рядом.

Способы погружения в молчание могут быть самыми разными, и каждый должен найти свой собственный путь к нему. Обычно требуется некоторое время для того, чтобы собравшиеся внутренне объединились, и те особые моменты, когда чувствуется вся сила собрания «под покровом Духа», так же редки, как и прекрасны. На собрание приходят люди с широким спектром житейских требований и конфликтов. Было бы удивительным, если бы все это можно было оставить за порогом. Некоторые вспоминают обетование Христа: «Где двое или трое соберутся во имя Мое, там и Я посреди них». Почти 100 лет назад художник Дж. Дойл Пенроуз сделал набросок Христа, стоящего во главе собрания, охваченного любовью к Богу и к присутствующим. Копии этой картины часто встречаются в квакерских домах и школах. Те, кто освоили технику медитации для успокоения души и тела, используют ее для того, чтобы сосредоточиться и подготовиться к ощущению Присутствия. Одних подхватывает волна признательности и благодарности за то, что Бог любит и ценит их, и они знают, что, как сказал однажды Уильям Пенн, «как бы глубоко мы ни пали, на любой глубине падения нас не оставит десница Божия».

Другие изливают свою признательность в духе французского поэта Поля Клоделя, назвавшего все молитвы просто «благодарностью за то, что Бог есть». Такие люди проводят несколько минут в размышлении о том, каким было бы их настоящее и будущее, если бы Бог не существовал. Третьи исполняются в своем сердце благодарностью за собравшихся вместе Друзей, которых они знают и с каждым из которых ощущают единство в Присутствии, точно так же, как и с теми, кто отсутствует и находится в беде. Иные просто погружаются в тишину, отрешаясь от себя и своих хлопот, как если бы, гуляя с любимым другом, мы нашли бы взаимную беседу излишней и просто бы ощутили радость от того, что друг рядом. Другим мешают разного рода заботы, отвлекающие их от молчания. Отвлекать могут и физические помехи: различные шумы этого беспокойного мира, в котором мы живем, плоть, которую мы не можем успокоить, или приход на собрание опоздавших. Такие помехи можно преодолеть, если подключить их к внутренней молитве: «Боже мой, позволь мне войти в Твое Присутствие со всей стремительностью самолета, который, я слышу, летит над моей головой», или «Боже мой, я благодарю тебя за то, что наш опоздавший друг все-таки пришел, и пусть ему будет особое благословение».

Других могут отвлекать гораздо более серьезные вещи: внутренняя рассеянность как следствие того, что мы в уме хватаемся за неразрешенные вопросы, трудные проблемы, за всякие неуместные мысли, которые беспорядочно приходят в голову. Со временем они

учатся справляться с этими мыслями, признав их составной частью своей собственной сумбурной жизни. Эти мысли естественно всплывают на поверхность сознания в такой момент свободы и требуют к себе внимания. У иудеев есть полезный совет, как преодолеть отвлекающие ум мысли. Их следует рассматривать как часть нас самих, которая чувствует приближение благословения и проявляется, дабы наверняка освятиться. Как в том, так и в другом случае Друзья не стараются подавить то, что их отвлекает, а пытаются признать присутствие умственных помех, полностью позволяют себе открыться внутреннему Христу, Наставнику, Обновителю, даже если что-то все время продолжает их отвлекать.

Дональд Корт, весьма любимый квакерами доктор и профессор медицины, говоря о своей напряженной и беспокойной жизни, признается, что не мог бы прожить ее без ежедневных моментов тишины и еженедельных совместных молитвенных собраний:

«В эти минуты я достигаю такой глубины, где я отчетливо вижу себя и свою работу, где та сила, которую мы называем любовью, пробивается сквозь все мое беспокойство и учит меня, как справляться с происходящим, а не реагировать на него... как открывать путь духу, путь, загроможденный занятостью, самоуверенностью, потаканием себе и жалостью к себе, депрессией и отчаянием... Я не смог бы справиться с жизнью или, возможно, даже прожить последние 35 лет без молитвенных собраний».

Интересно, что как православные, так и квакеры рассматривают опыт совместной молитвы в общине верующих как наиболее действенный способ воздействия Святого Духа. Айзек Пеннингтон так описывает первые квакерские группы: «Они похожи на груду свежих, живых углей, согревающих друг друга, благодаря той огромной силе, новизне и жизненной энергии, которая струится в них. В совместном богослужении кажется, что внутренний Христос собирает всех молящихся и вновь и вновь ведет каждого от изолированности и одиночества к единению со всеми живущими».

Индивидуализм, гордыня и чувство собственности, которые часто вкрадываются в личную молитву, исчезают, когда мы объединяемся в общей молитве. Внутренний Христос заставляет каждого молящегося заново почувствовать, что он(она) — лишь одна из овец в обширной пастве Божьей, и часто Христос очищает сердца переполняющим ощущением принадлежности Его творению. Но это еще не все. Проникая далее в человеческое сердце, это ощущение ведет к освобождению от греха «поглощенности собой», к стремлению достигнуть более высокого уровня жизни. Оно вновь и вновь подводит каждого к открытию того, что дар Христа в большинстве случаев соединен с задачей, которая может быть возложена на верующего и которая требует своего скорейшего исполнения.

Когда выше говорилось о молитвенном собрании, которое проходит в молчании и послушании, то слово «послушание» добавлялось отнюдь не ради красного словца. Фокс считал, что Дух, так ретиво действующий в его сердце, не ограничивается тем, что дарует ему живительное ощущение того, что он, Фокс, не одинок. Дух следует дальше и возлагает на него задачи, которые необходимо осуществить. В очередной раз непревзойденные слова, сказанные Айзеком Пенингтоном, выражают это же с предельной ясностью: «Рядом с вами то, что поведет вас вперед; ожидайте и несомненно держитесь этого». В этой фразе соединяются внимание и послушание. В этих словах не только растворение и слияние воедино, сосредоточение и исцеление личности, но при этом почти всегда Водитель ставит перед нами меняющиеся первоочередные задачи, то, что должно быть сделано, и сделано немедленно.

Под опытом Фокс подразумевал больше, чем только эмоции. Он сознавал, что истинный опыт предполагает волевое усилие, и вовсе не умалял значения тех стадий, тех плато и того постоянного преобразования, которые требуются для воспитания человеческой воли. Великий французский писатель аббат Бремон совершенно четко и однозначно выражает ту же самую мысль, когда описывает роль благочестивой христианской литературы как «ни в коем случае не платонической, а обращенной к воображению и интеллекту

исключительно с целью воздействия на волю». Одна женщина, врач и мистик, жившая в наше время в Базеле и писавшая под именем Адриенны фон Шпейр, говорит: «Вряд ли возможно с самого начала уяснить все, что должен означать Бог для человека... Уже открывшись Свету, он может просить Бога глубже и основательнее призвать его, но лишь при том условии, что не откажется сделать первый, пусть маленький шаг, которого требует от него Бог». Этот «первый маленький поступок» может быть посещением друга, или письмом, или подарком, или это может быть первой попыткой освободить свое расписание от житейских дел, с тем чтобы включить в него поручения, которые еще не поступили. Непостижимая сторона всего этого состоит в том, что для Бога нет ничего незначительного. Все имеет значение, и все взаимосвязано.

В нашем собрании в Рэдноре была очень пожилая женщина, которая тотчас же уходила, как только собрание заканчивалось, и делала это безо всяких объяснений своим друзьям-квакерам. Она чувствовала, что ее долг — немедленно сделать что-нибудь в направлении тех первых незначительных дел, необходимость которых стала очевидна ей на собрании. Франциск Сальский сразу понял бы необычную привычку этой женщины как проявление преданности, так как под словом преданность он понимает быстроту, рвение, привязанность, расторопность, которые мы выказываем в своем служении Богу.

Когда-то я был знаком с одной женщиной, квакером из Вирджинии Анной Мэй Стокли, которая рассказывала мне о своей матери, тоже квакере, овдовевшей, когда Анна, ее братья и сестры были еще совсем юными. Мать в одиночку вырастила детей и дала им возможность учиться в школе и в колледже за счет доходов от арахисовой фермы, все заботы о которой, вплоть до найма работников, лежали на ее плечах. Анна Стокли рассказывала, что у ее матери был обычай, казавшийся детям странным: в 11 часов утра каждый день она уходила в гостиную, которая мало использовалась в их доме, для получасового молчания, а детям, если те были дома, говорилось, чтобы они не беспокоили ее без особой надобности. Дети, как это им свойственно, очень хотели узнать, что же она там делает. Они думали, что, может быть, их мать общается с умершим отцом. Позже они узнали, что мать практикует каждый день то, чем они занимаются на собрании Первого дня, открывает себя и свои заботы Наставнику, пытаясь следовать указаниям, которые она часто получала в своем уединении. В опыте квакеров тишина и послушание всегда существуют вместе.

Проповедь, произносимая вслух на молитвенном собрании, основой которого является заранее не готовится и не планируется. Предполагается, присутствующие могут быть добровольными носителями вести. Если кто-то чувствует внутренний призыв высказаться, то никто не мешает ему встать и поделиться своим свидетельством с собранием, используя «столь мало слов, насколько это возможно, и столь много слов, насколько это необходимо». Айзек Пеннингтон с одинаковой любовью относится к молитвенным собраниям, которые проходят в молчании, и к собраниям, на которых звучат слова свидетельств: «Воистину, служение Духа и жизнь ощущаются ближе и непосредственнее, когда осуществляются без слов». Но уже на следующей странице появляется пророческое замечание, в котором он смягчает высказанную мысль и делает ее более приемлемой для квакеров. «Нам неизвестно о собраниях, которые проходят в абсолютном безмолвии, где принято решение молчать; но мы ждем, что Господь даст нам почувствовать Его в словах либо в молчании духа без слов, — как будет Ему угодно. И то, к чему мы стремимся и к чему ведет нас дух Господен на безмолвных собраниях, — это чтобы всякая плоть пребывала в молчании, дабы не создавалось ничего вне Духа и силы Господней».

Поскольку квакеры всерьез воспринимают новозаветное учение о том, что все верующие являются священниками, то есть должны быть посредниками друг для друга в спасаемой общине, они исповедуют принцип: «Не следует никому полагать, что изустное служение — вовсе не наше дело». Но Друзья также считают, что в равной степени нежелательно, если кто-нибудь приходит на собрание, заранее уверенный, что они будут

свидетельствовать вслух. Лучше просто приходить на собрание с готовностью выслушать наставления Бога.

Что квакерам кажется безусловным в этом опыте изустного служения на безмолвном собрании, так это то, что постоянная любовь Бога, преломляемая сквозь пылающую призму внутреннего Христа, вечно свидетельствует нам, жаждет приблизиться к нам, обласкать нас и повести вперед. Предполагается также, что это непрерывное общение становится интенсивнее на молитвенном собрании и что Дух использует чье-либо изустное служение, чтобы отчетливо выразить эту пронизывающую любовь, чтобы утвердить и укрепить то, что собравшиеся уже ощутили в душе.

Довольно часто случается, что по окончании собрания несколько человек подходят к тому квакеру, который свидетельствовал, и говорят, что они очень благодарны ему за то, что он освободил их от необходимости высказаться, так как почти та же самая весть пришла и к ним, и, хотя они сформулировали бы ее другими словами и снабдили бы другими примерами, они поняли, что весть была дана и в их словах больше нет нужды.

Квакеры как в прошлом, так и сегодня ценят даже самое краткое свидетельство, которое может заключаться всего в одном слове, сказанном в порыве скорби или радости. В 1660 году Уильям Дьюсбери посылал слова ободрения Другу из своей тюремной камеры: «Знай, верное дитя, даже те несколько слов, которые ты произнесешь в благоговении перед Господом, будут приняты».

Необходимо отметить, что свобода квакерского собрания, не следующего определенной программе, может искушать некоторых произносить изустное служение слишком часто. Неблагоразумные люди иногда могут пользоваться этим для самовыражения. Также и те, кто редко посещают собрание, могут не удержаться и откликнуться, как им кажется, на приглашение высказать то, что волнует лично их, при этом не учитывая внутреннее развитие собрания в данный момент. Примечательно, насколько творчески собрание может впитать это поверхностное высказывание и включить его в молитвенное молчание. Часто случается, что молчание и последующее изустное служение превращают такое высказывание в нечто весьма полезное. Похоже, Друзья знают, когда для пользы собрания необходима помощь старейшин, и в этих случаях спокойно и доброжелательно опытный Друг беседует с теми, чье изустное служение не приносит пользы.

Важным моментом, который часто отмечается в квакерских дневниках, является то, что услышать весть Бога не есть то же самое, что услышать призыв произнести эту весть вслух. Два замечания Джона Черчмана указывают на то, что это две разные самостоятельные стадии: «Видеть что-либо не значит получить указание исполнить это; время исполнения и способность распознать подходящий момент для исполнения являются дарами Бога». «Я начал понимать, что есть разница между знанием о том, что необходимо сделать, и призывом сделать это». Пока до вас не дойдет призыв произнести проповедь, лучше удержаться. Важные слова редко пропадают втуне.

Всегда было ясно, что наиболее проникновенное изустное служение на собрании исходит от тех, кто преуспел в познании себя через вдумчивое чтение Библии и чья жизнь в течение недели, проведенная в молитве и заботах о близких, подготовила их и помогла им уловить внутреннее направление служения на молитвенном собрании. Ранние Друзья критиковали духовенство, получившее подготовку в Оксфорде и Кембридже, однако эта критика была направлена не столько против университетов, сколько против привычки клириков проповедовать, как правило, не свой личный опыт Святого Духа, полученный в повседневной жизни, а склеивать осколки опыта других людей. В своей «Апологии» Роберт Баркли с тоской мечтал о том времени, «когда... никто не будет вываливать всю чепуху, которую он собрал на своем жизненном пути, но каждый будет высказывать лишь то, что Господь вложил в его сердце».

В так называемом «спокойном» периоде Общества Друзей в XVIII веке концепция пустоты, то есть превращения себя в полую трубку, посредством которой мог бы вещать Дух, значительно повлияла на изустное служение на молитвенных собраниях. Всегда

существовало опасение, что чей-то хорошо развитый рассудок и подготовленный интеллект могут исказить данное внутренним Наставником свидетельство, которое кто-то собирался высказать. К счастью, в самый разгар того периода нашлись мужчины и женщины, которые всю свою жизнь много читали и которые, как Джон Вулмэн, безо всякого университетского образования были способны, придерживаясь совета Наставника, сочетать свою смиренную открытость присутствию внутреннего Христа с практической мудростью проницательного ума.

Существует рассказ о том, как в XIX веке в штате Нью-Йорк один Друг в сильном волнении поднялся на собрании и осудил строительство канала Эри, указывая на то, что человек вторгается во владения Бога. Он закончил утверждением, что «если бы Бог имел необходимость в канале Эри, то он прорыл бы его сам». Через несколько минут присутствующая на собрании пожилая женщина-квакер поднялась и процитировала Писание: «И вырыл Иаков колодец». Затем она села на место. В те же самые годы один квакер, убежденный, что мы — немощные «полые трубки», упрекнул другого словами: «Богу не нужна твоя ученость»; в ответ на это тот высказал предположение, что, возможно, Бог еще меньше нуждается в невежественной критике.

В связи с растущим сознанием необходимости воспитания продуктивного и духовноориентированного сознания в квакерских общинах в XVIII веке Друзья как в Англии, так и в Америке начали создавать средние школы, действующие и по сей день. В XIX веке в США был сделан еще один шаг в этом направлении: были основаны и получили поддержку такие колледжи, как Хаверфорд, Суортмор, Брин-Моур, Эрлэм, Уильяма Пенна, Уитьер, Гилфорд, Уилмингтон, Пасифик Колледж (ныне колледж Джорджа Фокса) и университет Друзей в Уичите. Но среди бесстрашных умов, которые могли противостоять быстро изменяющемуся миру и говорить в лицо ему правду, находились и отступники.

Одна известная квакерская история хорошо отражает спасительную силу непоколебимой целостности. Один Друг, как и многие другие в его время, как чумы боялся влияния Дарвиновской теории эволюции, воззрений харвардского геолога Агассиса на происхождение Вселенной и чрезмерной критики Библии на веру квакерской молодежи. Этот немолодой Друг как-то поднялся на собрании и рассказал о двух юношах, один из которых остался твердым в своей вере, а вера другого была поколеблена новыми учениями. Однажды эти двое молодых людей поехали кататься на лодке. Поднялся ужасный шторм, лодка перевернулась, и молодой человек, который потерял веру, утонул. Сказав это, пожилой Друг быстро сел на место, считая свою миссию выполненной. Некоторое время спустя он весь пришел в волнение и, в конце концов, встав снова, сказал: «Друзья, в интересах истины я должен признаться, что второй юноша тоже утонул!».

Подобно гироскопу, направляющему лодку во время шторма, в каждом поколении были квакеры, которые, твердо придерживаясь мистической стороны молитвенных собраний как высшей ценности, вовсе не чувствовали угрозы со стороны интеллектуальных учений своего времени и не пугались их. В то же время они были готовы исследовать их и противостоять последствиям, которые могли бы возыметь эти течения в своем влиянии на человека, а также открыто заявить об ответственности, которую несут они и их поколение, пытаясь направить эти последствия в нужное русло.

Айзек Пеннингтон, для которого руководство внутреннего Христа было абсолютно непререкаемым, как-то писал: «Рассудок — не есть грех, но отклонение от того, от чего исходит рассудок,— грех». В этом содержится то глубокое понимание связи между интуицией и рассудком, которое всегда в той или иной мере присутствовало в каждом поколении квакеров.

Забота о высшем образовании, которая полтора века назад привела к основанию квакерских высших учебных заведений, безусловно, имела свои ограничения. Это было «охраняемое» образование, и поначалу оно совершенно не касалось музыкального, драматического и художественного воспитания. Но как своеобразная компенсация этой

ущербности образования в прошлом, что ныне в основном удалось преодолеть, у квакеров проявился живой интерес к природе, ботанике, биологии, астрономии и другим естественным наукам. Быть может, не случайно в XIX веке в Англии квакеров в составе Королевского Общества по численности было больше, чем представителей любых других религиозных общин.

В начале XX века в лице таких ярких представителей, как Джон Вильгельм Раунтри, Руфус Джонс и Рэнделл Харрис, квакеры пришли к убеждению, что усиленная критика Библии не составляет сокрушительной угрозы. Они верили в то, что внутренняя духовная и социальная ценность квакерства должна быть заново, по-современному истолкована. Они также верили, что твердая приверженность Центру дает свободу на переферии и что нет никакого принципиального противоречия между открытостью дарам внутреннего Присутствия и изустным служением, при котором откровение, рожденное внутренним Присутствием, может использовать любой жизненный опыт.

Уильям С. Брэйтуэйт, составивший два тома с описанием первых пятидесяти лет квакерского движения в Британии, мудро подмечает:

«Мистические движения с их акцентом на внутренний опыт редко имеют достаточно стабильную организационную структуру. Не было бы ничего удивительного, если бы квакерство, руководство и организационная структура которого были ослаблены гонениями, утратило бы свою силу и пришло в упадок. Однако безмолвные собрания, настойчиво поддерживаемые квакерами по всей стране, остались центрами квакерской жизни и оказали гонителям несгибаемое сопротивление. Они не вынашивали идею бунта, которого так боялись власти, однако несомненно существовала часть местных общин, сила и жизнестойкость которых постоянно обновлялись, и под гнетом страданий эти группы Друзей чувствовали, что их затронула жизнь Бога. Здесь великолепно оправдала себя квакерская твердость в вопросах свободы совести. Эта твердость иногда доходила до преувеличения пустяков или поощрения крайностей. Подвергаясь жестоким гонениям, с непоколебимым упорством проводя свои собрания, открытые для всех, Друзья не только обеспечили дальнейшее существование своего собственного Общества, но и в значительной мере способствовали сохранению нонконформизма в целом».

Он продолжает:

«Сопротивление внешним силам могло поддерживаться только общинным свидетельством об Истине, которое обогащало индивидуальные свидетельства. Было необходимо также ограничить общим свидетельством и озарением те центробежные тенденции, которые могли проявиться тогда, когда существовало различие между индивидуальными внутренними озарениями. Для того, чтобы Общество Друзей не части, следовало поддерживать общинное свидетельство, контролировать индивидуальные заблуждения».

Попытки Перро и Уилкинсона — Стори расколоть движение квакеров, предпринятые в период Реставрации, в самый разгар гонений и тяжких страданий, также делают очевидным необходимость общинного свидетельства. «Как показали события, позиция Перро вела к отказу от всех установлений со стороны человека, даже к отказу от собраний в установленное время и в установленных местах, и если бы она была принята, это привело бы к быстрому распаду движения». Кроме удовлетворения личных амбиций, раскол Уилкинсона — Стори еще больше отвергал любую организационную структуру и, в особенности, внутриобщинную дисциплину, которая противостояла бы нажиму преследований и обязывала Друзей к безоговорочной верности основным квакерским свидетельствам.

Жесточайшие гонения Реставрации к 1667 году со всей ясностью показали Фоксу, что ответственность за все обязанности и решения, которые проистекали из опасного положения квакеров, не следует возлагать на одного Бога или какую-либо небольшую группу квакерских лидеров, но необходимо равномерно распределить в рамках широкой сети местных собраний. В структуру этих местных собраний, на которые люди сходились

для молитвы один или два раза в неделю, Фокс предложил включить еще и ежемесячные деловые собрания для решения вопросов, связанных с заключением браков, заботой об узниках и их семьях, поддержкой старых и немощных, а также для решения вопросов дисциплины и правонарушений. Спустя несколько месяцев после выхода в 1966 году из тюрьмы, где он находился в долгом и изнурительном заточении, Фокс и несколько его последователей начали и продолжали в течение целого года странствия по всей Британии, в ходе которых утверждали практику Ежемесячных Собраний.

Женщины всегда имели возможность проповедовать вслух на молитвенных собраниях, но Фокс считал, что они будут гораздо свободнее говорить о делах на своих собственных собраниях. Поэтому были установлены как женские, так и мужские собрания с совместной консультацией в случае необходимости. В эту структуру были включены Ежеквартальные Собрания, которые объединяли четыре раза в год Ежемесячные Собрания, соседствующие в определенной местности. Однако высшим авторитетом обладали все-таки местные Ежемесячные Собрания, и такое положение в принципе сохранилось и по сей день.

Позднее возникли Ежегодные Собрания, на которые съезжались Друзья со всей Британии; таким образом, установилась структура Ежемесячных, Ежеквартальных и Ежегодных Собраний. В такой большой стране, как Соединенные Штаты, существует несколько Ежегодных Собраний, и они географически разбросаны по всей стране, но общая модель Ежемесячных, Ежеквартальных и Ежегодных Собраний, как правило, сохраняется.

Общинные молитвенные собрания, которые охватывают практически все стороны квакерской деятельности, являются неотъемлемой частью квакерской духовной жизни. Заключение брака происходит на специально созванном молитвенном собрании, во время которого жених и невеста поднимаются и без постороннего содействия дают обет друг другу: «В присутствии Бога и наших друзей ...» Молитва и служение следуют как обычно. Квакерская панихида происходит аналогично на специально созванном собрании, где во время служения особо поминается ушедший Друг и часто подчеркивается тайна перехода из этой жизни в мир иной. Это хорошо описано Уиттиером в следующих строках:

Я не знаю блаженных Его островов,

Кроны пальм возносящих вверх,

Знаю лишь, что по жизни идти не готов

Без заботы Его и любви.

Исходные посылки совместных молитвенных собраний со дня их основания оказывали сильное влияние на порядок принятия решений на квакерских деловых собраниях. Как на молитвенных, так и на деловых собраниях действует вера в Водителя. Есть и вера в непрекращающееся откровение, всегда доступное и способное дать новые открытия. Присутствуют также уважение и любовь друг к другу, на основе которых участвующие в собрании преодолевают все существующие различия и поддерживают пламя веры, которая вместе с терпением и открытостью сердца может привести, как того ожидают собравшиеся, к ясному пониманию и разрешению стоящих перед ними проблем.

Деловое собрание квакеров открывается неспешным безмолвным ожиданием. Если собрание должным образом доходит до своего завершения, то возникает хорошо знакомое состояние открытости,— не по отношению к собственным желаниям, планам или сиюминутным прихотям, но, скорее, по отношению к тем глубинам души, где действуют указания Наставника и где проблемы могут быть разрешены вовсе не так, как мы того могли ожидать. Один квакерский совет гласит:

«Мы надеемся на то, что на наших собраниях будет преобладать воля Божия, а не человеческие желания. Поэтому мы не придаем большого значения заумным и красноречивым аргументам. Мы находим, что победа в споре бесполезна и чужда нам».

Деловые собрания проходят под председательством одного из членов, секретаря, который избирается на определенный срок. Роль секретаря отличается от роли председателя собрания: последний, руководствуясь «Правилами распорядка Робертса», лишь

контролирует выступления и замечания с мест, призывает к прекращению разногласий, подсчитывает голоса и объявляет результат.

В идеале квакерский секретарь избирается из наиболее опытных Друзей собрания. Он (или она) умеет хорошо слушать, обладает ясным умом и способен рассматривать различные вопросы, умеет вести протокол, который в сжатом виде может передать суть собрания, а также верит в исходные посылки квакерского собрания, о которых говорилось выше. Вместе с тем хороший секретарь никогда не торопится и умеет разбираться в разногласиях с терпением, основанном на уверенности, что выход всегда существует, хотя община может неоднократно возвращаться к спорному вопросу на последующих собраниях, прежде чем наступит ясность и будет достигнуто правильное решение.

На деловых собраниях квакеров не происходит голосования. В обязанности секретаря входит либо отыскание во всем сплетении мнений верного решения, с которым будут в основном согласны собравшиеся Друзья, либо следование квакерскому принципу: «сомневаешься — жди». Совет Лондонского Ежегодного Собрания гласит: «Секретари должны быть готовы ожидать Бога вместе с собранием столько, сколько будет необходимо для того, чтобы оформилось решение, правильность которого смогут ощутить собравшиеся как сердцем, так и умом». Часто для того, чтобы важное решение стало очевидным, бывает необходимо вернуться к нему через месяц.

Деловое собрание квакеров не устраивает тех, кто требует принятия поспешных решений. Есть рассказ об одном человеке, который изучал продолжительность жизни людей различных вероисповеданий. Он рассказал своему приятелю, что недавно, посетив квакерское кладбище, был поражен, обнаружив по датам рождения и смерти на небольших могильных плитах, что эти квакеры, похоже, живут дольше, чем представители каких-либо других конфессий, которых ему приходилось встречать. Его друг ответил ему, что для него в этом не было бы ничего удивительного, если бы он знал чтонибудь о квакерах: ведь у них уходит больше времени, чем у кого-либо другого, на то, чтобы прийти к решению любого вопроса.

Случается, что в критические или напряженные моменты обсуждения секретарь или другой член собрания могут призвать присутствующих провести некоторое время в безмолвном ожидании. Иной раз я .наблюдал, как деловое собрание само погружается в молчание. В конце такого перерыва, когда секретарь приглашает собравшихся вернуться к спорному вопросу, часто наблюдается изменение самой атмосферы собрания и решение является само собой.

Я приведу два примера, иллюстрирующих силу молчания, когда оно высвечивает, а порой даже и изменяет результат решения делового собрания квакеров. Летом 1937 года я навещал квакеров в нацистской Германии и был приглашен в довольно большой исполнительный комитет Немецкого Ежегодного Собрания. Нацистское правительство только что отдало приказ о мобилизации всех здоровых молодых людей, исключающий возможность какой-либо альтернативной службы. Этот исполнительный комитет отчаянно пытался найти, что бы порекомендовать Ежегодному Собранию в качестве совета молодым квакерам, стоящим перед лицом возможного смертного приговора в случае отказа от военной службы.

Бывший учитель немецкой школы, уволенный с работы за свои квакерские взгляды и в то время уже живший в Голландии, считал, что Собранию следует единодушно советовать молодым людям отказываться от военной службы, чего бы это им ни стоило. Другой квакер был немецким офицером во время Первой мировой войны, он давно вышел в отставку и никогда более не собирался возвращаться в армию, несмотря на возможные наказания. Его точка зрения сводилась к тому, что Ежегодное Квакерское Собрание, состоящее в основном из тех, кто уже не подлежал призыву по возрасту, должно оставить решение на совести каждого молодого квакера.

В этот момент Альфонс Паке, один из редакторов «Франкфуртер Цайтунг», глубоко уважаемый и почетный Друг, попросил некоторое время помолчать. Минут десять мы

сидели, охваченные волнением. Затем Альфонс Паке поднялся и коротко сказал о «Heiterkeit der Stille» (радости молчания). Всем показалось, что собранием овладело совершенно другое настроение. Когда он закончил, секретарь перешел к следующему вопросу. Минуту или две спустя один из тех двоих, кто уже выступил, как это бывает, начал повторять свои прежние рассуждения. Однако в новой обстановке его слова прозвучали пустыми и более не относящимися к делу. Без замечания со стороны секретаря он остановился на полуслове и просто сел на место. После закрытия собрания те два оппонента, которые были настроены друг против друга, покинули зал со слезами на глазах, обнявшись. На этом Ежегодном Собрании не было принято каких-либо официальных рекомендаций, и вопрос о том, что делать молодым квакерам, остался на их совести.

Квакер из Швеции Пер Сюндберг, основатель Вигбюхольмской Школы, общей школыинтерната около Стокгольма, в 1946 — 1947 годах совершил две поездки в разбитую и опустошенную Германию. Он увидел своими глазами, что многие смелые, переутомленные, недоедающие, неустроенные новые немецкие служащие были почти на пределе своих сил, пытаясь восстановить школы, церкви, политическую структуру, молодежные программы. Он возымел квакерскую «заботу» и пригласил двадцать из них в Швецию на один месяц в гости к шведским квакерам, с тем чтобы они могли отдохнуть и как следует поесть. Во время их пребывания он планировал также пригласить на одну неделю их коллег из западных стран: Скандинавии, Франции, Швейцарии, Британии и Соединенных Штатов, чтобы они подружились и побеседовали о планах на будущее. Он надеялся, что немецкие гости увидят, как тепло принимают их западные соседи, как они благодарны им за ту самоотверженную работу, которую немцы мужественно выполняют. Пер Сюндберг мечтал провести эту встречу в апреле 1948 года. В ноябре 1947 года он скончался от сердечного приступа.

В январе 1948 года на деловом собрании шведских Друзей, на котором присутствовало около пятнадцати человек, люди вставали один за другим и выражали свою благодарность за жизнь Сюндберга и за столь характерное для него благородное намерение. Однако все высказывали единодушное мнение о том, что квакерам не следует брать на себя проекты, на осуществление которых не хватает сил. Сложные проблемы поиска необходимых средств, получения от американских, английских и французских властей выездных виз для немецких гостей, получения транзитных виз для проезда поездом через Данию, а также въездных виз и талонов на питание от шведского правительства, расселение немецких гостей по домам и забота о них — со всем этим невозможно было справиться. Небольшая группа шведских Друзей была и так перегружена тяжелой, ответственной работой и домашними обязанностями и не видела, к сожалению, иной альтернативы, кроме как отказ от проекта.

В этот момент собрание погрузилось в глубокое молчание, продолжавшееся некоторое время. Молчание было нарушено словами Эмилии Фогельклу Норлинд, которую все глубоко уважали и признавали за ней дар пророчества. Она сказала, что, как и большинство тех, кто высказывался до нее, она также чувствует, что это предприятие неосуществимо и превышает их возможности. Затем ее глаза заблестели, и она рассказала, что в этом длительном молчании к ней пришло ощущение, что они не должны изменять «заботе» Пера Сюндберга, которую он оставил им почти как завещание. У нее возникло чувство, что они должны осуществить ее и им даны будут силы для этого. И Тогда остальные начали говорить, как вопреки житейской мудрости они почувствовали то же самое.

Прежде чем деловое собрание закончилось, старший сын Пера, Гуннар Сюндберг, предложил взять на себя всю секретарскую работу. Герман Бакман, занимавший высокий пост в кооперативном движении, сказал, что добьется разрешения от военных властей на выезд из Германии, позаботится о железнодорожном транспорте и поможет достать денежные средства. Эльза Седенгрен, племянница короля Густава Пятого, согласилась

обратиться в министерство иностранных дел Швеции за получением въездных виз и талонов на питание. Таким образом, житейская мудрость и поспешное решение, проявившиеся в первой половине собрания, отпали сами собой во время молчания на этом деловом собрании. Немцы, приехавшие в апреле 1948 года, оказались прекрасными людьми, и их коллеги из западных стран, прибывшие для участия в конференции, удивительно легко сошлись с нами. Оглядываясь назад, можно сказать, что то немногое, что сделали шведские Друзья, доставило им много радости, а те немцы, которые еще живы сегодня, до сих пор говорят об этом с благоговением, думая о том значении, которое это событие имело для них в столь мрачный период их жизни.

Другой чрезвычайно важный вопрос при принятии решения, требующий большой внутренней дисциплины и опыта со стороны собравшихся, — это вопрос о том, что такое елинолушие. Совершенно очевидно, что совсем не обязательно, чтобы все были в равной степени удовлетворены решением, которое в результате, после проникновения в «суть собрания», секретарь записывает как принятое решение. Важно понять, как достигается это так называемое квакерское единодушие. Для того, чтобы процесс принятия решения проходил эффективно, от собравшихся требуется то, что можно было бы назвать общим смирением всех участвующих. При этом мы начинаем сознавать, что то, что стоит за решением, которое мы готовы поддержать, было рассмотрено подробно и терпеливо. Мы участвовали в обсуждении на всех его стадиях и имели возможность на разных этапах обсуждения изложить свою точку зрения собранию, с тем чтобы ее серьезно рассмотрели и взвесили. Даже если решение, которое сообщество считает нужным принять, противоречит тому, что мы предлагали первоначально, мы знаем, что наше участие помогло прояснить предмет спора, может быть, закалить его, и в ходе обсуждения, возможно, и мы сами начали смотреть на него несколько иначе. Французский писатель Альфред де Виньи однажды заметил: «Я не всегда придерживаюсь своего собственного мнения», и этот проблеск смирения сопутствует как каждому лично, так и всему этому

Если я — опытный Друг, я более не противлюсь решению. Я даю свое согласие и покидаю собрание не как представитель обойденного и отвергнутого меньшинства, но скорее как тот, кто участвовал в принятии решения и намерен придерживаться его, даже если сам по-иному расставил бы акценты.

Такой опыт общего смирения всех участвующих и способность секретаря выявлять «суть собрания» благоприятствовали тому, что Общество Друзей сохраняло целостность в критические моменты его жизни. Такой духовный процесс нам дорого стоит. Когда же он не осуществляется и не поддерживается, тогда-то и может произойти такой раскол, как разделение Хикситов и Ортодоксов в XIX веке, на преодоление которого потребовалось 125 лет.

Весь вопрос «забот» и процесс их распознавания был изложен выше, но требуется рассмотреть его более подробно, с тем чтобы понять его центральное место в квакерской практике. Новозаветные Деяния апостолов дают блистательные примеры отчетливо воспринимаемых забот и следования Божественному руководству любой ценой. Веруя в то, что апостольская эпоха не закончилась и что в своих делах люди не одиноки, квакеры испытывали на совместных молитвенных собраниях и в личной молитве воздействие, которое они старались воспринимать с большим вниманием. Можно быстро откликнуться на незначительные внутренние толчки-побуждения (если что-либо бывает незначительным), но к «заботам», которые могут повлечь за собой изменение карьеры или вовлечь других людей в их осуществление, следует относиться более обдуманно. Вопрос о том, как рассматривать такое наставничество и как ему следовать, поднимает проблему распознавания в целом. Каким образом помочь каждому из Друзей оценить подлинность своей заботы и как направить ее к распознаванию собственных способностей в связи с тем, что может потребоваться от них при исполнении этой заботы?

Сила общинной жизни квакеров, так плохо понимаемая теми, кто не принадлежит к

Обществу Друзей, оказывала и продолжает оказывать неоценимую духовную поддержку тем, кто стремится следовать внутреннему Учителю.

Традиционная процедура заключается в созыве небольшого комитета «ясности». Этот комитет встречается с человеком и выслушивает его заботу-откровение-призыв, затем тщательно расспрашивает о природе заботы, о способности человека осуществить ее, а в случае необходимости финансовой поддержки выясняет, какие финансовые обязательства могут стоять перед собранием. Задавая вопросы и пребывая в молитвенном молчании, они должны вместе испросить Божественного вразумления. При этом могут выявиться новые стороны заботы, которые помогут этому человеку лучше воспринять то наставничество, которое он почувствовал. Деловое собрание квакеров является также тем местом, куда человек может прийти со своим откровением-призывом, особенно если само собрание может оказать ему материальную поддержку, как, например, в случае призыва отправиться в путешествие с миссионерскими целями и необходимости получить протокол собрания, рекомендующий его или ее для выполнения данной миссии.

То, как квакеры относятся к полученному зову, уместно проиллюстрировать на двух примерах. Английский квакер Джозеф Стёрдж жил в Бирмингеме в середине XIX века. Он владел мельницами и пользовался большим уважением в обществе. Когда он увидел, что его страна все больше и больше склоняется к войне с Россией за Крым, он почувствовал внутренний призыв сделать что-нибудь, чтобы предотвратить катастрофу. В декабре 1853 года он обсудил со своими друзьями правомерность полученного им побуждения к тому, чтобы послать депутацию квакеров к царю. В конце концов он представил свою заботу на обсуждение Собрания в помощь Страждущим в Лондоне, и, ознакомившись с ней, Собрание благословило его следовать этому зову. На этом собрании ему назначили двух спутников: Роберта Чарлтона и Генри Пиза. Они покинули Лондон в январе 1854 года без какой-либо уверенности, что будут приняты царем Николаем І. Суровой зимой они проехали поездом по Европе до Кенигсберга, затем в экипаже до Риги. Последний переезд в 400 миль от Риги до Санкт-Петербурга они совершили за трое суток в том же экипаже, привязанном к саням, которые теперь тянули семь лошадей.

10 февраля 1854 года царь принял их и был глубоко тронут словами Джозефа Стёрджа. В отчете спутника Стёрджа Роберта Чарлтона говорится, что их сразу же после этого приняла императрица, которая сказала: «Я только что видела императора, и в его глазах стояли слезы». Вскоре стало известно о новом провокационном выступлении премьерминистра Пальмерстона в Палате общин, жребий был брошен, и война стала неизбежной. Джозеф Стёрдж с бесчестием возвратился в Англию, опозоренный среди своих сограждан тем, что беседовал с «коварным» царем. В то время, в атмосфере войны, это рассматривалось почти как государственная измена. В начале войны английский флот, безуспешно пытаясь разбить русский флот у военно-морской базы близ Санкт-Петербурга, высадил на берег десантные отряды и разрушил несколько рыбацких деревень на финском побережье. В то время Финляндия была Великим Княжеством Российским, но она пострадала гораздо больше от русских, чем могла бы пострадать от англичан, и финские граждане относились к Британии с большим уважением. Этот бессмысленный разгром широко освещался в британской прессе, и в Палате общин задавались вопросы по поводу этого бессердечного акта. Но все они быстро были отброшены в сторону в связи с соображением о том, стоит ли в ситуации войны начинать с осуждения британского флота. Однако Джордж Стёрдж не оставил этого вопроса. Он чувствовал себя обязанным что-то предпринять, чтобы исправить зло, причиненное финским рыбакам.

Когда Крымская война закончилась, Джозеф Стёрдж опять обратился к Собранию, сообщив о своем желании посетить эти финские деревни, чтобы посмотреть, не нужна ли там какая-нибудь помощь, которую он мог бы организовать. Ему опять дали спутника, и они вдвоем направились к берегам Балтийского моря, на корабле пересекли залив и приплыли в Финляндию. Посещая эти деревни, они обнаружили, что у рыбаков не только не было хороших сетей, но что их поля разорены, не хватает семян и самого

необходимого. Джозеф Стёрдж вернулся в Бирмингем, вложил 5000 фунтов из своих личных сбережений и вместе с остальными пожертвованиями собрал достаточную сумму, чтобы снарядить и послать в Финляндию три небольших корабля с рыболовными снастями, семенами и продовольствием. Стёрдж более не возвращался туда, чтобы посмотреть, что из этого вышло. Однако путешественники, побывавшие там в последующие годы, рассказывали, что рыбаки восприняли тот английский военный налет скорее как ошибку, поскольку англичане приложили столько усилий, чтобы узнать об их нуждах, что они чувствовали себя связанными с ними особыми узами.

Мог ли Джозеф Стёрдж предвидеть, когда к нему впервые пришло побуждение посетить царя, то унижение и непонимание, которого будет стоить ему его путешествие в Россию в течение месяцев и лет британского патриотического рвения, вызванного Крымской войной? Мог ли он также предвидеть, что за этим унижением и укорами совести последует призвание отправиться в Финляндию и протянуть руку примирения, которое все еще не утратило своей силы? Немногие заботы сразу раскрывают все то, что они могут повлечь за собой, и те, кто пытается их осуществить, должны чувствовать свою уязвимость. Английский религиозный лидер прошлого поколения Малти Бэбкок любил повторять, что Иисус обещал только три вещи тем, кто последует за ним: они будут беспредельно счастливы, совершенно бесстрашны и им всегда будет попадать за их старание.

Эмма Нобл была женой мастера паровозостроительного завода недалеко от Оксфорда в Британии. В начале 1920 года безработица и нищета на угольных шахтах в Южном Уэльсе была ужасающей. На собрании квакеров она почувствовала, что должна поехать туда и посмотреть, что могут сделать квакеры, чтобы улучшить положение. Бе муж согласился с ней. и небольшой комитет «ясности» нашел ее заботу подлинной и поддержал Эмму в осуществлении этой заботы. В первой долине Южного Уэльса, которую она посетила, казалось, не было никакой возможности для организации той помощи, которую могли бы оказать квакеры. Однако она не чувствовала себя свободной и не смогла вернуться домой, а, продолжая свое путешествие, добралась до долины Рондда. В течение нескольких дней, проведенных там, ей начали открываться различные возможности и стала проявляться истинная цель ее путешествия. В результате этой поездки был найден способ освободить семью Ноблов для служения, которое потребовало, как потом оказалось, нескольких лет. Была развернута долгосрочная программа, в которую в итоге были вовлечены преподаватели университетов и члены парламента, состоялся приезд короля и, наконец, была разработана законодательная программа для того, чтобы помочь справиться с этим недопустимым положением. Первый небольшой шаг, сделанный Эммой Нобл, вначале не совсем верный, привел к следующим шагам и, в конечном счете, — к постоянному расширению круга людей, участвовавших в решении этого вопроса.

Эти примеры дают очень неполное представление о том, как появляются и осуществляются такие заботы о процессе, в котором ошибки перемежаются с непредсказуемыми успехами. В некоторой степени заботы, описанные выше, не являются показательными, так как в обоих случаях они были сразу же поддержаны членами Собрания, которое рассмотрело их изначальную ценность, и по крайней мере две из трех забот привели к очевидно положительным результатам. Большинство забот, когда они приходят, напоминают не растения, достигшие своего цветения, а скорее зерна, для которых необходимо взрыхлить почву, чтобы они проросли. И дело не только в том, что зерно заботы требует тщательного ухода, чтобы дать всходы, но и в том, что те, к кому пришла эта забота, часто, возможно, недостаточно подготовлены, чтобы исполнить ее, и им необходимо измениться, перестроиться так, чтобы стать более гибкими и открытыми. Даже само сообщество, которое должно одобрить и поддержать эту заботу, часто вынуждено претерпеть болезненные изменения, прежде чем его члены будут готовы воспринять полученный зов. Трудно преувеличить то терпение, смирение, очищение и глубокое преображение, которые могут потребоваться не только прежде чем будет

достигнута ясность относительно формы, в которой предполагается реализовать заботу, но и произойдут изменения в человеке и в общине, перед тем как они станут подходящими инструментами для ее осуществления.

Такие побуждения приходят к нам посредством наших собственных психологических механизмов и поэтому не свободны от недостатков. Опытный Друг не хочет оказаться в глупом положении и умеет подождать, чтобы посмотреть, как эта забота будет выглядеть на следующий день или через неделю. Он знает достаточно для того, чтобы позволить себе изучить все стороны заботы, пытается посоветоваться по поводу ее с умудренными и вызывающими доверие людьми и узнать их мнение. Если забота выдержит такую тщательную проверку, тогда можно выносить ее на рассмотрение комитета ясности, который может быть избран самим Другом или, если потребуется, он может предложить свою заботу вниманию ежемесячного делового собрания. Девиз «Сомневаешься — жди». как бы болезненно его ни переживали, часто оказывался полезным в испытании гибкости и истинной сосредоточенности духа того, кто испытывает заботу. Если это мучительное ожидание или его перспектива приводят к тому, что забота исчезает, то обнажается ее беспочвенность, она увядает и может быть похоронена. Альберт Швейцер однажды высказал предположение, что, когда предлагается деяние милосердия, возможно, новаторское по своему характеру, мы не должны ожидать, что люди фазу же кинутся расчищать наш путь от камней. Скорее всего, они подкатят еще несколько валунов на наш путь, чтобы посмотреть, тверды ли мы в своих намерениях.

Говоря о зове заботы и о квакерском процессе ее распознавания, нельзя не упомянуть еще о двух моментах. Первый момент — это появление на пути осуществления заботы удивительных и часто ошеломляющих обстоятельств: исчезновение препятствий, непредвиденная поддержка людей, финансовая помощь; чудесных и трогательных обстоятельств, которые вдруг обнаруживаются и дают нам подтверждение того, что мы действуем не в одиночку. В то же самое время действует второй момент. Квакеры слишком хорошо знают об опасности пасть жертвой «болезни результатов» и о соблазне отвергнуть водительство в тех случаях, когда результаты не гарантированы или кажутся весьма сомнительными. Как же относятся к неудачам и к отсутствию результатов те, кто следует за Учителем? Только как к своему Кресту. Если мы верим, что существует знакомое нам спасительное Присутствие, то, которое стремится прорваться к нам, и если мы убеждены в том, что следование нашему зову, отказ от него или неудача на этом пути — все это будет иметь космические последствия, тогда мы уже в истинном смысле понимаем, что независимо от того, победим мы или потерпим поражение в данной главе, книга еще не закрыта и, что бы ни случилось, — мы на победном пути. Мы сознаем также, что препятствия будут когда-нибудь преодолены и в этом будет не наша заслуга, а заслуга любви.

На доске объявлений небольшого молельного дома квакеров в Аделаиде, в Австралии, я увидел однажды высказывание ныне покойного квакерского педагога из Англии — Харолда Лукса. Оно гласило: «Неудавшееся дело любви в такой же степени принадлежит божественной жизни, как и то, которое имело успех. Ибо любовь измеряется своей полнотой, а не тем, как ее принимают». У Тагора в его «Светлячках» звезда говорит: «Позвольте мне светить, и никогда не спорьте, рассеется ли от этого тьма». Делать то, к чему мы призваны откровением, а остальное предоставить Главному Жнецу — вот тот путь, который квакеры считают начертанным для себя.

Нам кажется уместным завершить это описание квакерской духовности некоторыми общими замечаниями о том, как развивалось Общество Друзей на протяжении трехсот двадцати пяти лет своего существования. В первые сорок лет готовность квакеров Переносить гонения была несомненной. В 1670-х и 1680-х годах в Англии все больше и больше людей не могли не восхищаться мужеством и искренностью квакеров, которые в отличие от многих других общин нонконформистов отказывались скрывать места своих собраний. Часто соседи, не разделявшие религиозных взглядов квакеров, помогали им

тем, что не принимали участия в распродаже с молотка конфискованных у них вещей. Когда произошла бескровная революция 1688 года и были введены новые законы во время царствования Вильгельма и Марии, эти гонения в основном прекратились. Говорят, что в истории никогда не было упоминания о столь длительном ненасильственном сопротивлении государству, которое принесло бы такие видимые результаты.

Интересен и тот факт, что хотя квакеры полностью отвергали насилие, они не только с самого начала настаивали на всех своих законных правах, но и без колебаний посылали наиболее уважаемых членов своей общины «говорить правду властям», излагать свою точку зрения верховной власти — будь то Оливер Кромвель, король Карл II или Яков И. Они вели очень точные и постоянно обновляемые записи о числе своих собратьев, которые страдали в заключении или подверглись конфискации значительной части собственности, а также следили за тем, чтобы люди, стоящие во главе правительства, всегда были в курсе тех несправедливостей, которые законодательная система допускала по отношению к ним. В своем непоколебимом отрицании клятв, будь то в суде или при заключении договоров, квакеры целиком зависели от милости судебных властей, которые в любой момент могли потребовать от них принести присягу правящей власти, зная о том, что последует неизбежный отказ. Это же давало возможность вынести практически любой приговор или конфисковать их собственность в судебном порядке.

Немалую роль в этом процессе борьбы за отмену запретов на квакерскую форму богослужения сыграл Уильям Пенн начиная со времени его присоединения к квакерам в 1667 году. Сын адмирала, пользовавшегося уважением как Карла II, так и Якова II, Уильям Пенн в 1668 — 1669 годах сидел в тюрьме по обвинению в богохульстве и был вновь арестован в 1670 году за проповедь на квакерском молитвенном собрании, проводившемся на открытом воздухе. На этом суде в 1670 году он был оправдан решением присяжных заседателей. Разъяренный судья пытался аннулировать решение, заключив присяжных под стражу без еды до тех пор, пока они не изменят решения. Когда присяжные не поддались, то судья вынужден был отступить, а дело Пенна — Мида стало вехой в истории британской юриспруденции, подтвердившей гражданские права простого человека на справедливый суд присяжных и исполнение их решения.

Как повествуют духовные заметки Уильяма Пенна, он ощутил заботу о борьбе за права человека не только исходя из политических мотивов, но и следуя своему глубокому квакерскому опыту, о котором он мог бы сказать вместе с Джоном Вулмэном: «Мое сердце было чутким и часто сокрушенным, и в нем возрастала всеобъемлющая любовь к моим собратьям». Для него политическая структура, подобно человеческому телу, была тем, за что он нес ответственность. Уже в 1670 году Пенн вместе с Олджерноном Сиднеем, Джоном Локком и др. был озабочен теми изменениями репрессивных законов, которые потрясли квакерскую семейную и общественную жизнь и вынудили другие неконформистские течения уйти в подполье. Однако они опережали свое время, и плоды их труда начали ощущаться лишь десятилетие спустя. Несмотря на это, Пенн способствовал разработке конституции для американской колонии в Западном Джерси, которая предусматривала полную религиозную свободу, существенное смягчение наказаний и обеспечение всех прав свободного человека.

В 1681 году, в период обострения гонений в Британии, Пенн услышал призыв проложить путь для массовой эмиграции квакеров и других британцев в Америку и предпринять то, что он назвал «Святым экспериментом». Он сумел обменять большую денежную сумму, долг Карла II за имение его отца, на обширный земельный участок в Америке, который по имени его отца стал называться Пенсильванией.

Теперь Пенн приступил к составлению для этой новой колонии конституции, которая соответствовала бы его убеждениям. Он настаивал на том, чтобы в этой колонии люди получили бы то, что они требовали и в чем им было отказано в Британии. Конституция, на основе которой должен был проводиться «Святой эксперимент» Пенна, гарантировала религиозную свободу, и жизнь колонии должна была строиться без милиции с

содержанием лишь скромного полицейского формирования. Однако продолжавших испытывать гонения английских квакеров уговаривали исследовать мотивы эмиграции и тщательно взвесить вопрос о том, должны ли они твердо придерживаться своих позиций и продолжать свидетельствовать там, где они уже укрепились, или же им следует обрубить свои корни и последовать призыву исполнить свое квакерское свидетельство на новом континенте в соответствии с условиями этого «Святого эксперимента».

С согласия Уильяма Пенна его конституция 1682 года была дважды переработана (в 1683 и 1701 гг.), но при этом бережно сохранялись ее основные принципы соблюдения прав человека. Именно по этой конституции квакеры управляли Пенсильванией до 1756 года, а Пенсильвания стала ко времени Американской революции одной из наиболее сильных и процветающих колоний. Вся эта конституция отмечена особым взглядом на человека. Будучи квакером, Уильям Пенн рассматривал человека не как порочного грешника, а как дитя Божие, в котором зароненное Семя Духа требует ухода и взращивания. Этот взгляд на человека можно назвать «атлантическим». Он резко контрастирует с массачусетстким кальвинистским представлением о так называемом «пуританском человеке». Значительная часть американской мечты, которая изложена в преамбуле к конституции Соединенных Штатов, составленной в 1787 году в собственной столице Пенна — Филадельфии, имеет непосредственное отношение к той Пенсильванской конституции, которая родилась в душе Пенна и вышла из-под его пера.

В XVIII веке квакеры примерно поровну разделились между Британией и американскими колониями. На обоих берегах Атлантического океана каждое последующее поколение квакеров старалось объединиться в тесно взаимосвязанные группы. Их форма обращения друг к другу на «ты» (ставшая впоследствии архаичной), простая одежда, отказ снимать шляпу перед властями, строгое отношение к тому, чтобы вступать в брак только с квакерами, форма безмолвной молитвы, отказ от любого участия в войне или обороне, а в Америке — нежное отношение к индейцам и позднее свидетельства против рабства, — все это привело к тому, что квакеров стали считать «странными» людьми. К этому времени охладел пыл, с которым/ квакеры приглашали других разделить свой опыт и который стремительно умножал ряды квакеров в XVII веке. Хотя служение странствующих квакеров было широко распространено и часто привлекало людей со стороны, в деле продолжения своего движения квакеры сильно зависели от потомства и верности своих детей. В таких американских колониях, как Пенсильвания, Нью-Джерси, Род-Айленд и Каролина, квакеров, несмотря на их клановость) глубоко уважали и они играли выдающуюся роль в первых правительственных учреждениях.

По обе стороны Атлантического океана в XVIII веке наблюдались консолидация квакеров и обращение вовнутрь, что прекрасно описано в дневниках, появившихся в то время. Наиболее удачное описание такой консолидации дано в «Дневнике» Джона Вулмэна. Несмотря на то, что этот период квакерства не без основания называют обычно эрой «квиетизма», дневник Вулмэна отражает то духовное и социальное единение и богатство, которые, при всех ограничениях, была способна вызвать предельно сосредоточенная духовная жизнь квакеров того столетия.

С самого начала квакерское свидетельство неукоснительной честности, цельности; и простоты приводило к непредусмотренным побочным последствиям. Завоевав в конце концов доверие тех, с кем они имели деловые отношения, и тех, кого они обслуживали в силу своей профессии, квакеры стали преуспевать. В американских колониях с их быстро развивающейся экономикой, так же как и в процветающей Британии, расширяющей свою империю и уверенно указывающей путь в промышленной революции, это преуспевание распространилось на многие квакерские семьи. Вслед за богатством пришли привычные недуги ослабления приверженности вере среди молодых и охранительные нотки осмотрительности, которая часто вкрадывалась в речи и мысли многих преуспевающих и почтенных Друзей. Книга Фреда Толлеса «Молитвенный дом и бухгалтерия» отражает эту тенденцию.

Перед квакерами всегда стоял вопрос о том, как жить в миру — поскольку квакеры считают это необходимым, и не быть им поглощенным. Это правда, что среди квакеров процветала щедрая благотворительность, но у нас: в ушах непрестанно звучат слова современника, когда он говорит об этом: «Мы не смеем ограничиваться благодеяниями, когда Бог требует от нас проявления любви». Чуткая совесть заставляла квакеров различных поколений отвечать зову заботы об умственно отсталых (Уильям Тюк), заключенных (Элизабет Фрай), рабах, освобожденных после Гражданской войны в Америке (Леви Коффин), о человечном обращении с индейцами того времени (Лори Тамон); предпринимать скромные, но искренние попытки залечить раны, нанесенные войной и насилием (после Франко-Прусской войны 1870 года и обеих мировых войн). Однако вопросы Джона Вулмэна, поставленные им в очерке «Слово напоминания и предостережения богатым», до сих пор удивительно актуальны даже по отношению к тем, к кому не относится последнее слово в заглавии. Он говорит: «Посмотрим на наши сокровища, на домашнюю утварь и одежду и проверим, не является ли наше имущество питательной средой для семян войны. Накопление богатств ради самоудовлетворения вот мощное растение, плод которого быстро созревает. Грядет день зримых страданий, и Божественная Любовь призывает нас готовиться к нему». Вопросы накопления и распределения денег и имущества, а также ощущение обеспеченности, которое они дают, до сих пор не решены и так же тревожат умы, как и в XVIII столетии, когда Вулмэн ставил их перед своим поколением. Но эти вопросы не теряют своей актуальности и редко надолго остаются без внимания квакеров. В каждом поколении несколько сильных душ задевают Общество за живое простотой своей жизни и готовностью откликнуться на призыв о помощи, который они слышат и не оставляют без ответа.

В течение нашего столетия исчезло большинство крупных квакерских состояний в Англии и в Америке. Внимательный взгляд на квакеров, которые продолжают молиться на своих собраниях, проводимых, как и в прежние времена, в молчании и послушании, обнаруживает, что большинство из них — профессионалы: доктора, учителя, работники службы социального обеспечения, адвокаты, инженеры, юристы; встречаются также люди творческого труда и всякого рода деловые люди. В основном это люди выше среднего уровня, из той неопределенной категории, которую мы называем «средним классом». Они часто выражают пожелание, чтобы к ним присоединялись рабочие и представители этнических меньшинств, и не могут понять, почему последних так мало среди них.

В XVIII и XIX столетиях, вплоть до 1859 года, в Британии и даже позднее в Америке большое затруднение испытывали те, кто хотел «заключить брак на стороне», то есть не с квакерами. Они имели шанс быть изгнанными из Общества, если продолжали упорствовать в своем желании. Эта практика серьезно уменьшила ряды наиболее смелых людей, не говоря уже о том барьере, который эта генеалогическая строгость воздвигла перед потенциальными членами, которые могли бы значительно укрепить жизнь Общества.

Когда же наконец было принято решение не препятствовать заключению браков вне квакерского Сообщества, то замкнутое и дружное Общество Друзей вновь открылось для тех, кто не вырос в квакерских семьях. В целом же попытки обратить других в свою веру были очень незначительными. И сейчас, вместо того, чтобы представлять наследственный клуб с уменьшающейся рождаемостью, квакеры приглашает к себе всех, кто обретает в их способе молитвы и образе жизни то, к чему они давно стремились. Говорят, что человека нельзя обратить в квакера. Либо вы открываете квакеров, либо они открывают вас.

Сегодня существует много путей присоединения к Обществу Друзей: через богослужение, приверженность к простоте в каждодневной жизни, через акцент на религиозный опыт, а не на религиозные убеждения, через свидетельство о мире, а также путем совместных забот о неспокойных точках земного шара, которым пытаются оказать помощь квакерские комитеты. Интересно отметить, что хотя многие квакерские дети в конечном счете продолжают свою изначальную связь с общиной как Друзья «по праву рождения», в плане

своего состава и руководства Общество Друзей становится все более зависимым от тех, кто вступил в него «по убеждению», обычно в зрелом возрасте. Оно почти подошло к той точке, когда его можно сравнить с религиозными орденами, которые в каждом поколении обновляются людьми, чувствующими призыв присоединиться к ним. Это значит, что духовная жизнь квакеров должна быть достаточно энергичной и понятной не только для того, чтобы привлекать на собрания людей, которым суждено быть членами Общества, но и для того, чтобы, когда они уже присоединились к Друзьям, расширить тот путь, по которому они первоначально пришли, за счет воспитания и развития внутренней жизни, из которой должно исходить все остальное, что является подлинным.